РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 44. 30-го Октября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣст , основанная на истинномъ происшествіи
Кн. М. Н. Волконскаго.
(Продолженіе.)

ЕМУ хотѣлось поскорѣе самому почитать газету.

Человѣкъ глянулъ на него изъ-за газетнаго листа и ухмыльнулся.

— Интересно про убивство! — отвѣтилъ онъ, не стѣсняясь вступать въ разговоръ съ такимъ оборванцемъ, каковъ былъ Корецкій, потому что и собственное его одѣяніе вовсе не отличалось изысканостью и изяществомъ.

— А легко разбираете, или съ трудомъ? — развязно поинтересовался Корецкій.

— Не особенно бѣгло, а все-таки маракуемъ!

— Можетъ, лучше я прочту! — предложилъ Корецкій,—у меня глаза хорошіе!

Онъ не былъ пьянъ и держался съ достоинствомъ.

— А что-же, присаживайтесь! — пригласилъ его новый знакомый, передавая ему газету.

Корецкій быстро схватилъ ее, сѣлъ у столика и довольно бѣгло прочелъ вслухъ сообщеніе объ арестѣ преступника.

— Такъ вотъ онъ уже и сознался! — какъ-то особенно блеснувъ глазами, проговорилъ онъ.

— Да, сознался! — подтвердилъ его собесѣдникъ, — а кто это могъ ожидать?

— А что-жъ тутъ неожиданнаго? — спросилъ Корецкій.

— Да все-таки актеръ!

— Ну, такъ что-жъ, что актеръ?

— Значитъ, человѣкъ для серьезнаго преступленія неподходящій. Я по своему дѣлу при нихъ много

ДОБРЫЙ ТОВАРИЩЪ. Фотоэтюдъ **Г. Гильдебрандта.**

болтался, такъ знаю ихъ! Окончательно пустельга и больше ничего!

— А ваше дѣло какое?

— По малярной части. Больше при театрѣ все, и насчетъ освѣщенія тоже!

— Понимаю! работа не изъ трудныхъ.

— Всякая работа трудна, коли горло промочить нечѣмъ. Може, на счетъ опрокиндоса пройтись желаете? Такъ я съ хорошимъ человѣкомъ всегда очень радъ!

Корецкій осклабился. Онъ былъ всегда радъ выпить, даже и не съ хорошимъ человѣкомъ, въ особенности, если у него, какъ сегодня, не было денегъ.

— Только у меня насчетъ пенендзовъ плохо! Не раздобылся еще презрѣннымъ металломъ! — заявилъ Корецкій, небрежно разваливаясь на стулѣ.

— Съ этой стороны задержки не будетъ! — пошутилъ его собесѣдникъ, досталъ изъ кармана двугривенный, кинулъ его на столъ и крикнулъ половому: — эй, малый! сооруди намъ графинчикъ, съ приличною нашему званію закуской, какъ говорятъ господа артисты! Я,—обратился онъ къ Корецкому,— терпѣть не могу одинъ прохлаждаться, а вотъ если подвернется хорошій человѣкъ, такъ съ большимъ удовольствіемъ!

— А какъ васъ по имени, по отчеству?—освѣдомился Корецкій, польщенный, что его второй разъ назвали хорошимъ человѣкомъ.

— Крещенъ Иваномъ, звали Степаномъ, а прокликали Ершомъ. Такъ на эту кличку и отзываюсь. А васъ какъ?

— Меня-то?

— Да.

— Галактіономъ зовутъ, а по прозвищу Стрюцкій.

— Не слыхалъ что-то!

— Я не здѣшній!

— Изъ далека пріѣхали?

— Не то чтобы очень изъ далека, туда не попадалъ еще, а такъ по бѣлу свѣту околачиваюсь!

— Самъ себѣ господинъ, значитъ?

— Это вотъ ужъ именно самъ себѣ господинъ! Птица перелетная.

— Ну, что-жъ? курица — тоже птица, а и она пьетъ! Не угодно-ли? — разсмѣялся Ершъ, наливая въ стаканчикъ водку, которую подалъ половой съ двумя солеными огурцами.

— Это пр довольствіе,—пояснилъ Ершъ, кивнувъ на водку и огурцы, — на закулисномъ языкѣ „вино и фрукты“ называется! Такъ у насъ и кричатъ актеры, чтобъ имъ пусто было: „Ершъ — говорятъ, — принеси вино и фрукты!..“

— Я театральные порядки знаю, тоже при этихъ палестинахъ околачивался, — заявилъ Корецкій.

— Ну, вотъ, значитъ, мы съ вами, какъ это говорится, одного поля ягода, — хихикнулъ Ершъ. — Выпьемъ!..

Корецкій тоже хихикнулъ. Онъ уже видѣлъ, что его новый знакомый—„одного съ нимъ поля ягода“ и не потому только, что оба они возлѣ „театральныхъ палестинъ“ околачивались.

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека,—проговорилъ онъ.

— Вашими-бы устами да водку пить!—произнесъ Ершъ.

И они стали пить, а по мѣрѣ того, какъ пили, видимо, чувствовали другъ къ другу все большее и большее расположеніе.

— Чудной это народъ — актеры,—началъ Ершъ, возвращаясь снова къ театру: — фантазіи имѣютъ разныя, фантазіей и живутъ только...

— А что?—спросилъ Корецкій, очень внимательно потягивая водку и разсѣянно слушая.

— Да какъ-же! Вѣдь, вотъ хоть-бы это дѣло трагика Ромуальдъ-Костровскаго; вѣдь, ужъ и пойманъ человѣкъ, и сознался, а они, то есть, актерская братья, не вѣрятъ...

— Какъ-же это не вѣрятъ?

— А такъ, въ особенности есть тамъ комическій актеръ — Козодавлевъ-Рощининъ, такъ онъ такъ и кричитъ: „не вѣрю, чтобъ Ромуальдъ-Костровскій убилъ, у меня, говоритъ, есть данныя, что убійца — другой совсѣмъ человѣкъ“... Влажные люди — сами посудите, если онъ уже сознался...

Корецкій вдругъ насторожился, но Ершъ, захмелѣвъ немного, сейчасъ-же заговорилъ о другомъ, какъ оно и свойственно человѣку выпившему перескакивать съ одного предмета на другой.

Черезъ нѣкоторое время онъ уже говорилъ Корецкому „ты“ и задушевнымъ голосомъ сообщалъ ему конфиденціально:

— Надоѣлъ мнѣ этотъ театръ хуже горькой рѣпьки! Что въ самомъ дѣлѣ они думаютъ? я и безъ нихъ не проживу, въ лучшемъ видѣ проживу... Я съ ними расплевался сегодня и ушелъ. Пусть безъ меня дѣлаютъ, что хотятъ. Ты какъ думаешь, а? Я вотъ теперь гуляю, потому волю чувствую. Вотъ и съ хорошимъ человѣкомъ встрѣтился... Вѣдь, ты, Стрюцкій,—хорошій человѣкъ, а?..

XXI.

Они вышли изъ трактира вмѣстѣ и повернули по направленію къ рѣкѣ.

Рѣка была большая, судоходная съ отлогимъ песчанымъ берегомъ.

— Я тутъ люблю на солнышкѣ на песочкѣ пригрѣться и поспать,—сантиментально сталъ объяснять Ершъ, — а ты рѣки не любишь?

— Почему-жъ ты думаешь, что я не люблю рѣки? — обидѣлся Корецкій.

— А выкупаться хочешь?

— Чего-жъ, можно и выкупаться.

— А вдругъ утопленникъ за ногу хватитъ?..

Корецкій поежился и возразилъ:

— Будетъ вздоръ болтать. А ты мнѣ вотъ что скажи: какъ это ты говорилъ, что актеръ Козодавлевъ-Рощининъ не вѣритъ, что трагикъ виноватъ, и какія такія у него есть данныя?..

Ершъ равнодушно досталъ кисетъ съ табакомъ и сталъ себѣ крутить изъ газетной бумаги цыгарку.

— А кто его знаетъ! — отвѣтилъ онъ, — слышалъ я, какъ онъ въ уборной надрывался, до хрипу кричалъ...

— Что-же онъ кричалъ?.

— Что видѣлъ, дескать, документъ...

— Документъ?..

— Да. Вексель.

Ершъ опустился на землю и сѣлъ. Корецкій тоже подсѣлъ къ нему. Движенія его сдѣлались вдругъ нервны. Начинавшій разбирать его хмель какъ-будто сразу прошелъ.

— Вексель? — переспросилъ онъ, — какой-же вексель, у кого онъ видѣлъ его?

— У Корецкаго, якобы оборванца, — нехотя продолжалъ Ершъ, — онъ такъ и говорилъ „у Корецкаго оборванца“, я помню... Онъ говорилъ, что докажетъ, что Ромуальдъ-Кастровскій не виноватъ, непремѣнно докажетъ, что виноватъ не Ромуальдъ-Костровскій, а этотъ самый Корецкій...

— Какъ-же это онъ докажетъ?

— По документу, значитъ!.. Да тебѣ-то что?

— Мнѣ? ничего! — спохватился Корецкій и разлегся на спину.—Я только думаю, что дуракъ — этотъ Козодавлевъ-Рощининъ.

— Отчего дуракъ?

— Хочетъ доказывать, а кричитъ громко объ этомъ; нешто такъ доказываютъ! нужно это втайнѣ дѣлать, чтобъ никто не зналъ... Не его ума это дѣло, сразу видно. Такъ онъ говоритъ, что видѣлъ вексель?

— Видѣлъ.

— Ну, и дуракъ опять. Кто-жъ ему повѣритъ, что онъ видѣлъ?.. Ужъ если онъ доказывать хочетъ, такъ долженъ доказать прежде всего это, а теперь тотъ, у кого онъ видѣлъ документъ, запрячетъ его, такъ что никому не сыскать... Вотъ и ищи потомъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что запрятать не сможетъ!..

— Отчего-жъ это?

— Оттого, что вексель у него отобранъ...

— Кѣмъ это?

— Полиціей.

Корецкій сунулъ руку за пазуху, нащупалъ тамъ висѣвшую у него на шеѣ на веревкѣ бумагу и переспросилъ, усмѣхнувшись:

— Полиціей?

— Да, — подтвердилъ Ершъ, — полиціей.

— Ну, это — пустяки, вретъ онъ! — сказалъ Корецкій.

— Можетъ быть, — широко зѣвнувъ, согласился Ершъ, — онъ все это въ уборной промежъ другихъ артистовъ разсказывалъ, а я на сценѣ у самой двери сидѣлъ и слушалъ отъ нечего дѣлать. Можетъ, онъ и навралъ все...

— Что-же онъ разсказывалъ?

— Да говоритъ, что будто нѣкій сыщикъ переодѣлся босякомъ, разыскалъ этого Корецкаго въ ночлежномъ домѣ, легъ съ нимъ спать рядомъ на нарахъ, да у сонnаго у него и вытянулъ вексель съ шеи, а на веревочку пустую бумажку ему навязалъ...

Корецкій, услышавъ это, пришелъ въ необычайное волненіе. Онъ трясущимися руками раскрылъ рубашку на груди и, забывъ, что онъ не одинъ, вѣрнѣе, не обращая уже ни на что и ни на кого вниманія, вытащилъ веревку, распуталъ ее и развернулъ бумагу...

Дѣйствительно, это былъ не вексель, а простая, ничего незначущая бумага...

— Батюшки, ограбили! — завопилъ онъ, зашатавшись на мѣстѣ, — ограбили, утащили у меня проклятые... Чтобъ ихъ разорвало... ограбили, вѣдь!

— Эге, братъ, Стрюцкій, — свистнулъ Ершъ, — Корецкій-то этотъ, выходишь, ты самъ...

Корецкій въ своемъ волненіи глянулъ на него безумными глазами, какъ и ступленный, и спросилъ:

— Что ты говоришь?..

— Говорю, что Корецкій-то выходишь ты самъ и что дочь фабриканта убилъ ты!..

Не успѣлъ договорить Ершъ эти слова, какъ Корецкій, кинувшись и поваливъ его, былъ уже на немъ, схватилъ его за горло и сталъ душить...

— Я тебя убью, гадина,—хрипѣлъ онъ, не помня себя.

Но Ершъ, видно, былъ привычный къ такого рода передѣлкамъ, ловко вывернулся изъ-подъ него и вскочилъ на ноги.

— Ты чего безчинствуешь, песъ ты поганый? — накинулся онъ на Корецкаго, — что ты думаешь, доказчикъ я, что-ли? да я, можетъ, лучше тебя всѣ эти дѣла знаю. Ты, дурья голова, не драку теперь среди бѣла дня затѣвай, а больше всего думай, какъ-бы тебѣ сокрыться отсюда изъ этого города... понимаешь?..

Корецкій пришелъ въ себя и опомнился.

Тонъ Ерша и ловкость, съ которою тотъ вывернулся изъ-подъ него, убѣдили его, что это — человѣкъ бывалый и бояться его особенно нечего. Промаха въ томъ, повидимому, не было, что онъ открылся ему.

— Куда-жъ мнѣ дѣваться теперь? — проговорилъ онъ, сидя на землѣ, и развелъ руками.

— Вотъ такъ-бы и спросилъ, — наставительно произнесъ Ершъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова сѣлъ рядомъ съ нимъ и сталъ опять разговаривать, такъ что обратившіе было на нихъ издали вниманіе рабочіе на баркѣ, приняли, что промежъ нихъ ничего серьезнаго не произошло, а такъ только была милая шутка...

(Продолженіе будетъ.)

Двухсотлѣтіе взятія Нарвы.

Очеркъ А. И. Красницкаго. (Съ рис. въ № 42.) (Окончаніе.)

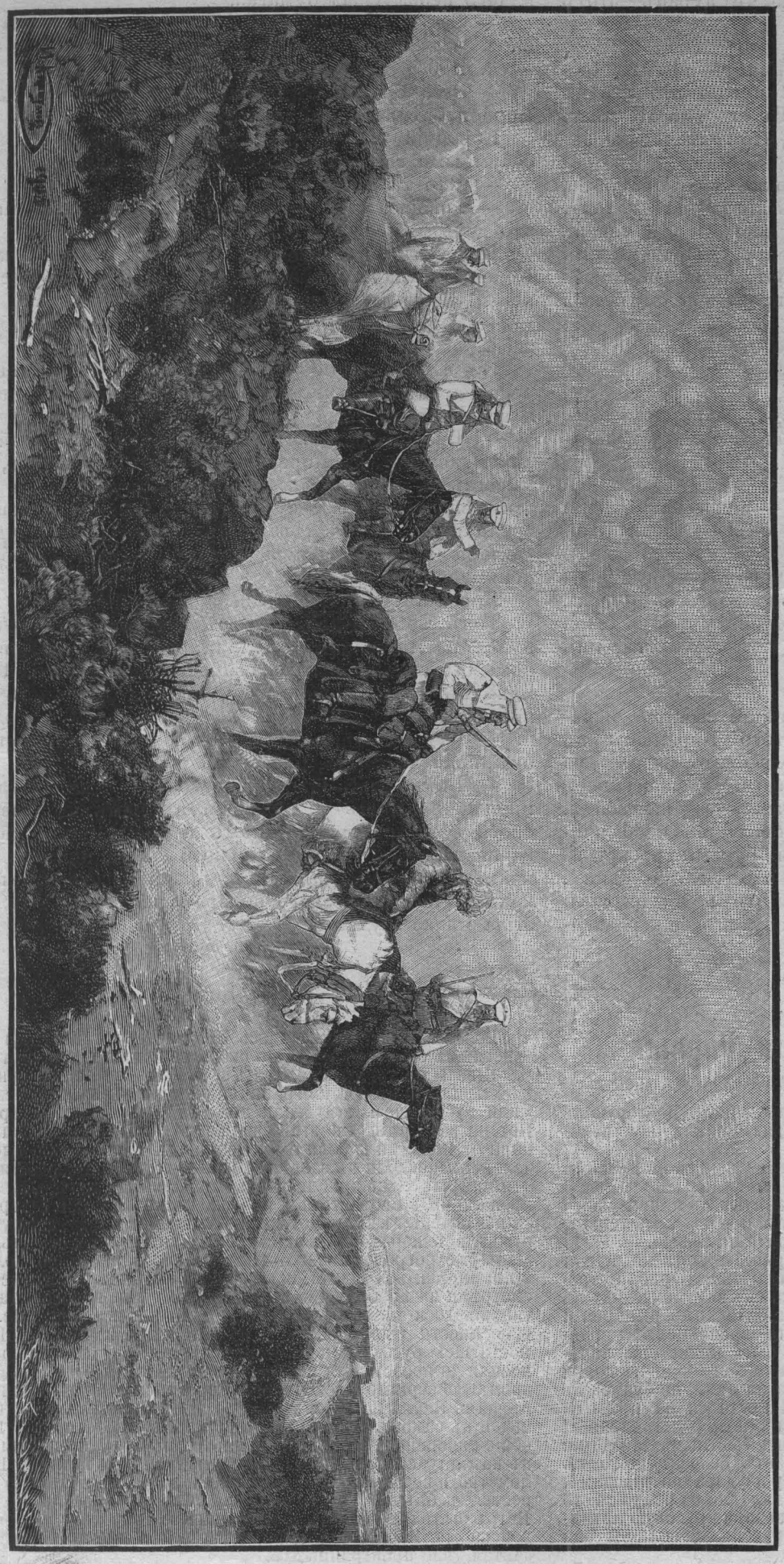
Только когда свершилось все это, поняли Долгоруковъ и его товарищи, въ какую западню попали они, повѣривъ слову короля Карла.

Яростный гнѣвъ объялъ русскихъ, стоявшихъ на правомъ берегу Наровы, когда они поняли, что побѣждены не въ честномъ бою, а вѣроломствомъ. Какъ наканунѣ въ паническомъ ужасѣ рвались они за Нарову на правый берегъ, такъ теперь, полные негодованія, готовы были ударить на лѣвый.

Къ счастью, у нихъ теперь былъ одинъ единственный для всѣхъ оставшихся полковъ главнокомандующій Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Недаромъ побывалъ онъ на своемъ вѣку въ Италіи, жилъ и въ Венеціи, и среди мальтійскихъ рыцарей и хорошо зналъ, что значитъ «слово» для европейцевъ въ сравненіи съ выгодами, которыя могутъ быть принесены нарушеніемъ его.. Когда охваченные ужасомъ его конные полки помчались за Нарову, онъ послѣдовалъ за ними, не будучи въ силахъ удержать бѣглецовъ, да такъ и остался на правомъ берегу. Только онъ одинъ не попался въ сѣти, разставленныя простодушнымъ и довѣрчивымъ русскимъ «честными» шведами. Теперь онъ сумѣлъ удержать своихъ отъ безразсуднаго въ новомъ положеніи перехода за Нарову и удара по шведамъ, собравшимся тамъ. Съ лѣваго берега глядѣли на рѣку всѣ сто сорокъ пять пушекъ, составлявшихъ недавно русскую артиллерію, и огонь ихъ уничтожилъ-бы русскихъ, если-бы они рѣшились перейти въ наступленіе...

Волей-неволей приходилось Шереметеву оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ всего свершившагося предъ нимъ...

Шведы не хотѣли связывать себѣ руки огромной двадцатитрехтысячной арміей и ограничились лишь тѣмъ, что обезоружили русскихъ и отпустили ихъ на всѣ четыре стороны. Потери-же арміи въ этомъ первомъ столкновеніи полковъ царя съ полками короля были громадны. Болѣе семи тысячъ человѣкъ погибли въ зловѣщій день 19-го ноября около Нарвы. Эти цифры только приблизительныя. Сколько утонуло, сколько пропало безъ вѣсти, такъ и не было сосчитано. Всѣ генералы, за исключеніемъ Шереметева, оказались въ плѣну; всѣ пушки, ружья, всѣ пороховые запасы попали въ руки шведовъ. Это былъ уже погромъ, отъ котораго, казалось, не скоро должна была оправиться Россія. Всюду въ Европѣ, гдѣ съ трепетомъ смотрѣли на пробужденіе великаго сѣвернаго колосса, такъ и тянувшагося къ свободному морю, началось ликованіе. Въ особенности были довольны во Франціи и въ Англіи бѣдою, постигшею русскихъ подъ Нарвою. Шведскаго короля превозносили до небесъ. Для него не было теперь другого прозвища, кромѣ «Сѣвернаго Александра». Европейскіе поэты сочиняли въ честь Карла шумные, трескучіе оды и гимны, какъ-будто-бы онъ и въ самомъ дѣлѣ спасъ «отъ варваровъ» Европу. Была обще-европейская радость, и нарвскую битву приравнивали къ каталаунской, гдѣ римляне преградили путь гуннамъ. Вѣроломство шведскаго короля возводилось въ величайшую мудрость. Выбиты были медали, на которыхъ московскій царь Петръ былъ изображенъ убѣгающимъ въ сопровожденіи своего войска отъ Карла. Отъ царя отступились всѣ его союзники, считая дѣло проиграннымъ...



ПРОВОДНИКЪ. Съ акварели **Н. Н. Каразина** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

Но, несмотря на потери, борьба за Нарву по своимъ послѣдствіямъ была все-таки счастливымъ событіемъ для Россіи.

Ничего на свѣтѣ даромъ не дается, и нарвская бѣда была только дорого оплаченнымъ урокомъ.

До Нарвы царь Петръ находился всецѣло подъ обаяніемъ Европы, которую онъ увидалъ впервые незадолго до того въ своемъ первомъ путешествіи за границу. Европа ослѣпила Петра своимъ внѣшнимъ блескомъ, невиданно красивой декораціей. Подъ Нарвой и послѣ Нарвы Петръ увидалъ и понялъ, какая пустота и затаенная ненависть къ Россіи сказывались подъ блестящей внѣшностью. Одинъ де-Кроа, ослѣпившій было царя своими цвѣтистыми фразами, чего стоилъ ему! И вотъ геній подсказалъ Петру, что Европа—въ сущности заклятый врагъ Россіи, что Европой нужно пользоваться, а не подражать ей, и геніальный царь быстро перевернулъ все на иной ладъ. Сами собою стушевались иноземцы, нахлынувшіе было на Русь въ ожиданіи скорой и обильной поживы; при Петрѣ остались только тѣ изъ нихъ, на кого онъ могъ положиться, какъ на добросовѣстныхъ исполнителей своихъ предначертаній. Опять приблизились русскіе люди къ престолу царя, отъ котораго, къ счастью, не надолго, ихъ отодвинули было чужестранцы, а вмѣстѣ съ этимъ и самъ Петръ Алексѣевичъ, уже пришедшій въ зрѣлый возрастъ, принялся за богатырскую работу, которой онъ не покидалъ уже до конца своей трудовой жизни...

Таково истинное значеніе нарвской битвы для Россіи.

Въ смущеніи, пряча отъ товарищей глаза, переходили по мосту черезъ Нарву небольшими группами съ лѣваго берега обезоруженные солдаты, оставившіе въ рукахъ шведовъ свои знамена. Молча встрѣчали ихъ на правомъ берегу уже назначенные сюда Шереметевымъ особые офицеры, пересчитывали, переписывали и, построивъ въ колонны, сейчасъ-же отправляли по дорогѣ на Псковъ.

Въ Новгородъ, гдѣ былъ царь, уже помчался гонецъ съ подробнымъ извѣстіемъ о всемъ случившемся.

Онъ нашелъ Петра уже выступившимъ къ Пскову съ собранными имъ подкрѣпленіями. Вопреки ожиданіямъ, царь довольно спокойно выслушалъ докладъ о постигшей его армію бѣдѣ. Только сдвинулись совсѣмъ одна съ другой его черныя брови да перекривились губы.

— Я знаю, — промолвилъ онъ, обращаясь къ своей свитѣ,—шведы могутъ еще разъ-другой побить насъ, но, наконецъ, и мы научимся побѣждать ихъ!

Въ тотъ-же день Петръ приказалъ занести въ свой журналъ такую помѣтку:

«Шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили. Ибо только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ да два полка гвардіи были только на двухъ аттакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, паче-же съ регулярными войсками, никогда не видали. Прочіе-же полки, кромѣ нѣкоторыхъ пол-

ковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые самые, были рекруты. Къ тому-же за позднимъ временемъ великій голодъ былъ; понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно—и, единымъ словомъ сказать, все-то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида: то какое удивленіе такому старому обученному и практикованному войску надъ такимъ неискуснымъ сыскать викторію?»

Не задерживаясь на пути, царь съ вновь собранными полками устремился къ Пскову. Туда-же онъ приказалъ собирать и остатки нарвской арміи.

Несмотря на наступившую зиму, около Пскова кипѣла съ лихорадочной быстротою работа. Самъ царь переустраивалъ и перевооружалъ полки, готовясь встрѣтить посланнаго Карломъ въ предѣлы Россіи генерала Шлиппенбаха. Шведы шли въ полной увѣренности, что послѣ Нарвы они нигдѣ въ этомъ краѣ не встрѣтятъ вооруженныхъ силъ московскаго царя. Но ихъ ждало разочарованіе. Подъ Печорскимъ монастыремъ русскіе, вполнѣ готовые къ встрѣчѣ, ожидали ихъ. Произошла битва, и Шлиппенбахъ со всѣмъ своимъ отрядомъ былъ вышвырнутъ за предѣлы Россіи, а Шереметевъ, произведенный государемъ въ фельдмаршалы, отправился за нимъ въ предѣлы Эстляндіи и Лифляндіи, откуда Карлъ уже ушелъ въ Польшу, разыскивая саксонскія войска короля Августа.

Несмотря на погромъ, великій царь не палъ духомъ и не оставилъ своего намѣренія вернуть обратно Россіи отнятый у нея край. Онъ только отложилъ рѣшительныя дѣйствія и по его повелѣнію Шереметевъ повелъ въ Лифляндіи такъ называемую малую войну, т. е., оголялъ страну, лишая этимъ шведовъ возможности пополнять запасы людей и провіанта за счетъ туземцевъ. Тѣмъ временемъ Петръ овладѣлъ Невою, основалъ Петербургъ и рѣшилъ, наконецъ, что пора покончить и съ Нарвою. 13-го іюля 1704 г. былъ взятъ Дерптъ, а 17-го іюля Петръ былъ уже подъ Нарвой. Приближался роковой часъ расплаты за «нарвскую бѣду».

Въ Нарвѣ комендантомъ былъ все тотъ-же Генингъ Рудольфъ Горнъ. Русскимъ извѣстно было, что шведы ждутъ себѣ подкрѣпленій и что къ нимъ долженъ былъ подойти маршалъ Шлиппенбахъ. Командовалъ осаднымъ корпусомъ петровой арміи такъ-же, какъ и въ 1700 г., иностранецъ маршалъ Огильви, выходецъ изъ Шотландіи. Чтобы хотя нѣсколько обезсилить нарвскій гарнизонъ, Петръ и Огильви прибѣгли къ хитрости. Нѣсколько русскихъ полковъ были переодѣты въ шведскіе мундиры и подпущены къ Нарвѣ съ той стороны, оттуда долженъ былъ-бы подойти Шлиппенбахъ. Горнъ попался на удочку и множество шведовъ, съ ликованіемъ вышедшихъ изъ крѣпости навстрѣчу мнимымъ землякамъ, очутились въ плѣну.

Итакъ, шведскій гарнизонъ въ Нарвѣ уменьшился, а къ русскому осадному корпусу присоединился Шереметевъ съ десятью тысячами пѣхотинцевъ, и число русскихъ поднялось до 45 т. человѣкъ. Съ величайшимъ трудомъ была доставлена

НА ОПУШКѢ ЛѢСА. Съ акварели Н. Н. Каразина гравир. для „Родины“ В. Цехомскій.

Сканировал reduktorer rutracker.org

артиллерія и 30-го іюля 1704 г. началось длившееся до 6-го августа непрерывное бомбардированіе Нарвы. Русскія орудія не смолкали даже ночью. Годунова, который «норовилъ-бы» чудакамъ-шведамъ въ ущербъ своимъ, при Петрѣ не было. Мелкія укрѣпленія Нарвы оказались разрушенными, орудія сбитыми со стѣнъ, пожары въ городѣ не прекращались. Но Горнъ помнилъ ноябрьскую удачу 1700 г. и даже напомнилъ о ней Петру, когда ему 6-го августа была предложена почетная сдача. Петръ такъ и запылалъ гнѣвомъ. Былъ назначенъ штурмъ, благо въ стѣнахъ Нарвы были пробиты огромныя бреши. Въ полдень 9-го августа русскія штурмовыя колонны сразу съ трехъ сторонъ накинулись на крѣпость. Шведы защищались отчаянно. Они взорвали по пути русскихъ подкопъ, скатывали съ вершины вала въ штурмовыя колонны бочки, лили смолу и кипятокъ, но смогли защищаться только не болѣе трехъ четвертей часа.

Нарва была взята. Ожесточенные побѣдители разсыпались по улицамъ, убивая всѣхъ, кто попадался имъ на глаза. Офицеры не смогли остановить ослѣпленныхъ яростью солдатъ. Петръ съ обнаженною шпагою самъ носился по улицамъ и собственноручно закололъ нѣсколько ослушниковъ, чѣмъ и успѣлъ остановить ненужныя кровопролитія и злодѣйства. Внѣ себя отъ гнѣва, явился онъ въ нарвскую ратушу, куда былъ приведенъ попавшійся въ плѣнъ Горнъ, и свои объясненія съ нимъ царь началъ съ того, что, пылая гнѣвомъ, закатилъ ему здоровую пощечину.

— Ты,—неистово кричалъ Петръ,—единственная причина безполезно пролитой крови. Безъ всякой надежды на помощь, безъ всякихъ средствъ отстоять городъ, ты долженъ былъ выставить бѣлое знамя. Смотри!—бросилъ царъ предъ Горномъ свою окровавленную шпагу,—это—не шведская, это—русская кровь. Я пролилъ ее для спасенія твоихъ несчастныхъ соотечественниковъ, которыхъ твое безразсудное упорство подвергало неминуемой гибели.

Негодованіе Петра противъ Горна было такъ велико, что онъ продержалъ его въ плѣну около пятнадцати лѣтъ.

16-го августа сдался Петру и Ивангородъ. Трофеями побѣдителей были до восьмидесяти мѣдныхъ и болѣе четырехсотъ чугунныхъ орудій и множество воинскихъ снарядовъ. Когда былъ возстановленъ порядокъ, было отслужено благодарственное молебствіе и Петръ прошелъ съ крестнымъ ходомъ по всѣмъ нарвскимъ улицамъ. Послѣ этого въ письмѣ къ Ромодановскому онъ писалъ: «Гдѣ предъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ, ибо сію преславную крѣпость черезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили». Въ память взятія Нарвы были выбиты три медали.

Нарва вернулась къ Россіи, но прежнее ея значеніе утрачено навсегда.

Впрочемъ, въ первые годы послѣ возвращенія къ Россіи кое-какая торговля у Нарвы все-таки была; въ 1724 г. къ ней прибыли 115 кораблей, а въ 1725 г.—уже 170, тогда какъ къ новоустроенному Петербургу—240 и къ Ригѣ—303, а въ 1725 г.—380. Возили въ Нарву свои товары для экспорта черезъ нее только псковичи. Въ 1723 г. въ Нарвѣ была основана первая фабрика — кожевенная, принадлежавшая нѣкоему Истомину.

Нѣкоторое время Нарва сохраняла и свое стратегическое значеніе, но съ возведеніемъ кронштадтской и свеаборгской крѣпостей она утратила и это. Въ 1708 г. при распредѣленіи Петромъ Россіи по губерніямъ Нарва была включена въ Ингерманландскую губернію, но въ 1719 г. присоединена къ С.-Петербургской провинціи; въ 1864 г. была упразднена и нарвская крѣпость, хотя стѣны ея сохранены, какъ памятникъ старины.

Въ настоящее время, какъ было уже упомянуто выше, Нарва—заштатный городъ. Издали Нарва очень красива, внутри-же она представляетъ собою обычный типъ старо-германскихъ городовъ. Улицы очень узки, площадей нѣтъ, видно, что мѣстомъ очень экономили.

Изъ замѣчательныхъ зданій особенно выдается соборъ, передѣланный въ 1708 г. изъ лютеранской кирки. Какъ-то странно видѣть православную церковь совсѣмъ необычнаго типа: стиль собора древне-романскій съ тринадцатью готическими окнами. Достопримѣчательности собора: распятіе съ надписями на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, огромный деревянный крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ, на которомъ видны латинскія надписи, и, кромѣ того еще, распятіе, написанное на доскѣ. Послѣднее относятъ къ 1607 г. Другимъ замѣчательнымъ зданіемъ является трехъэтажная ратуша, относимая по времени постройки къ 1683 г. Новый православный соборъ ничего замѣчательнаго не представляетъ.

Вокругъ самой Нарвы раскинулись ея четыре предмѣстья-форштадты: Петровскій, Нарвскій, Ивангородъ и Ивангородскій, соединяющіеся красивымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Нарову. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Нарвой находятся кренгольмская мануфактура, нарвская суконная мануфактура, нарвская льнопрядильня, затѣмъ лѣсопильня и машиностроительный заводъ.

Въ очень близкомъ разстояніи отъ Нарвы находится знаменитый Нарвскій водопадъ, въ которомъ вода ниспадаетъ по пяти уступамъ съ высоты 18 футовъ. Ниспадая, вода образуетъ сводъ, подъ которымъ можно проходить съ одного берега на другой. Собственно говоря, водопадовъ два. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ рѣку раздѣляетъ островъ Кренгольмъ и водопады находятся по обѣимъ его сторонамъ, нося у мѣстныхъ жителей наименованія Кренгольмскаго и Кромерскаго. На Кренгольмѣ находится бумагопрядильня, а на правомъ берегу—суконная фабрика и льнопрядильня. Силою водопаденія на нихъ приводятся въ дѣйствіе машины.

Въ общемъ Нарва—захудалый городишко, фабричное населеніе котораго отличается невозможною дикостью, благодаря чему подъ Нарвой часты убійства, грабежи и даже организованные разбои. Нарвскій портъ (таможня) сохранился и понынѣ, но обороты его ничтожны.

КОНЕЦЪ.

Сонеты.

I.

Какъ яркая свѣча въ часы богослуженья
Горитъ предъ алтаремъ Всевышняго Творца,
Молящихся зоветъ къ любви и всепрощенью,
Покуда не сгоритъ, истаявъ до конца,—

Таковъ и ты, поэтъ, съ ученіемъ пророка
Явившійся къ намъ въ жизнь съ возвышенной душой,
Среди порока, лжи и злобы одиноко
Въ житейской тьмѣ горишь мерцающей свѣчей.

Тебѣ алтарь—любовь; свѣтильникъ просвѣщенья
Зажегъ ты передъ нимъ во мракѣ заблужденья;
Ни жизни, ни труда, ни силъ ты не щадишь.

Кляня порокъ и зло, ты правду восхваляешь,
Блуждающимъ во тьмѣ путь жизни освѣщаешь,
Покуда, какъ свѣча истаявъ, не сгоришь.

П. Рыжковъ.

II.

О, не тоскуй, мой другъ! Весна уже идетъ.
Уже хоръ ласточекъ тамъ вьется высоко,
Въ лазури голубой, и радостно поетъ;
А въ этомъ воздухѣ такъ дышится легко.

О, не тоскуй, мой другъ! Весна, къ намъ за собой,
Ведетъ толпу не мукъ, а радостей и грезъ;
И вѣрь! Она забыть заставитъ насъ съ тобой
Всю скорбь души младой, всю горечь нашихъ слезъ.

О, не тоскуй, мой другъ! Послушай, какъ звучатъ
Въ безмолвіи ручьи; они, сбѣгая съ горъ,
Ведутъ со скалами свой тайный разговоръ.

Взгляни, какъ небеса торжественно глядятъ!
Взгляни! Цвѣтутъ уже черешня и миндаль.
О, не тоскуй, мой другъ! Оставь свою печаль!

В. Берестневъ.

Безъ упрека.

Разсказъ **Л. А. Чарской.**

I.

НАТАЛІЯ Павловна Кремницкая, или Ненни, какъ ее называли всѣ ея друзья, въ которыхъ у нея не было недостатка, потому что Ненни Кремницкая засѣдала въ двухъ филантропическихъ обществахъ и предсѣдательствовала въ третьемъ—въ «Обществѣ спасенія падшихъ дѣвушекъ и водворенія ихъ на путь добродѣтели»,—Ненни Кремницкая стояла предъ высокимъ дорогимъ трюмо, молодая, красивая, побѣдоносная, и улыбалась самодовольно и гордо, румяными, немного слишкомъ яркими для ея блѣднаго, матоваго лица губами и синими не то строгими, не то молитвенно-спокойными глазами, которые сіяли теперь ярко и весело.

Ненни только что одержала побѣду, самую трудную побѣду изо всѣхъ, которыя ей доводилось одерживать въ ея тридцатипятилѣтнюю жизнь.

Ненни была молода, красива и смутно жаждала счастья, того счастья, котораго ее лишила безжалостная судьба пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда она, совсѣмъ еще юная, прелестная Ненни, не сумѣла и не нашла нужнымъ простить своего слабаго, черезчуръ увлекшагося мужа...

И теперь оно пришло, это счастье, яркое, могучее... И она сама гордо отвергла его, сама разрушила его безъ тѣни сожалѣнія, безъ малѣйшей жалобы на судьбу.

Сейчасъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, она рѣшительно отказала Виктору Львовичу Туманскому, самому вѣрному изъ ея друзей и поклонниковъ, предложившему ей руку и сердце. Туманскій стоялъ на хорошемъ пути, имѣлъ средства и былъ признаваемъ всѣми за интереснаго и дѣльнаго человѣка... и притомъ былъ по-уши влюбленъ въ Ненни.

И Ненни ему отказала, несмотря на то, что его образъ давно былъ запечатлѣнъ въ ея сердцѣ и она чувствовала къ нему если не горячую любовь (на такую любовь она была, разумѣется, неспособна), то искреннюю симпатію, согрѣтую огонькомъ долго сдерживаемой страсти.

И все-таки Ненни нашла въ себѣ мужество сказать Туманскому:

«Мой другъ! я очень благодарна вамъ за ваше чувство, и если-бы я позволила себѣ воспользоваться своимъ личнымъ счастьемъ, то, разумѣется, пошла-бы только за васъ. Но вы забываете, мой другъ, что у меня есть Павликъ. Вы забываете, что я пожертвовала всю жизнь моему мальчику и хочу остаться безупречной по отношенію къ нему. Пусть онъ знаетъ, что изъ любви къ нему я пожертвовала моимъ личнымъ счастьемъ. Я хочу, чтобы онъ принялъ мою жертву и гордился мною».

И, говоря это, Ненни прослезилась, а Туманскій низко опустилъ свою кудрявую голову съ ровнымъ боковымъ проборомъ и, неслышно ступая, вышелъ изъ розоваго будуара, тайно преклоняясь предъ этой безупречной женщиной-матерью и ея чувствомъ къ сыну.

А Ненни осталась одна, непобѣдимая, гордая, съ ясными, сіяющими торжествомъ глазами и нравственнымъ удовлетвореніемъ въ смутно тоскующей душѣ.

II.

Павликъ возвращался только къ обѣду. Въ гимназіи уроки кончились въ половинѣ третьяго, но изъ гимназіи, куда за нимъ посылался m-ieur Тормеръ, его гувернеръ-швейцарецъ, Павликъ отправлялся на набережную, гдѣ, любуясь на бѣлую подъ ледяной корою Неву, онъ совершалъ, въ обществѣ гувернера, свою предобѣденную прогулку.

Уже почти стемнѣло, когда короткій и рѣзкій звонокъ Павлика возвѣстилъ о его приходѣ.

Наталья Павловна слегка попудрила себѣ лицо рисовой пудрой (иной косметики она не признавала, находя ее негигіеничной), чуть-чуть обдернула лифъ своего суконнаго платья и двинулась къ порогу навстрѣчу сыну. Она знала, что сейчасъ ворвется свѣжая струя морознаго воздуха вмѣстѣ съ веселымъ привѣтствіемъ свѣжаго, здороваго голоска и она увидитъ разрумяненное юное личико сына съ влажными синими глазами и чуть-чуть выпяченными впередъ губами, придающими ему видъ капризнаго ребенка. Она уже какъ-бы чувствовала прикосновеніе его свѣжихъ щекъ къ своему лицу и улыбалась ему заранѣе, стоя на порогѣ будуара.

Но минуты шли, а Павликъ не появлялся. По корридору ясно прозвучали его шаги и заглохли въ классной, гдѣ Павликъ готовилъ уроки къ слѣдующему дню.

«Что это? ужъ не случилось-ли чего-нибудь?»—мысленно произнесла Ненни и потянулась къ звонку.

— Подавайте обѣдать и попросите Павла Дмитріевича въ столовую,— приказала она безшумно вошедшему на ея звонокъ лакею, и сама прошла туда, въ большую, богато и со вкусомъ убранную комнату, гдѣ уже ждалъ красиво сервированный столъ, сверкавшій массивнымъ серебромъ и бѣлоснѣжною скатертью.

Ненни опустилась на свое мѣсто въ глубокой задумчивости. Ей было о чемъ тревожиться. По возвращеніи изъ гимназіи Павликъ прежде всего шелъ къ матери, цѣловалъ ея руку, показывалъ отмѣтки за день и разсказывалъ ей тѣ маленькіе повседневные эпизоды, которые случались съ нимъ въ гимназіи и на прогулкѣ. Такъ было заведено у нихъ всегда, съ самаго младшаго класса, и подобное измѣненіе разъ установленныхъ традицій не могло не волновать Ненни. И потому, когда въ сосѣдней комнатѣ мягко зашуршали шаркающія подошвы гувернера, Кремницкая вся измѣнилась въ лицѣ и, алая отъ волненія, почти не давъ войти швейцарцу, тревожно спросила:

— Et Paul?

— Il fait ses excuses, madame, mais il n'est pas en état de diner à table.

— Il se porte mal?

— Oh, non, madame... Un tout petit mal de tête; enfin ça va passer tout à l'heure.

— Mais, alors *)...

Но тутъ Ненни запнулась... Она хотѣла спросить: «такъ почему-же Павликъ не идетъ обѣдать, если у него ничтожная головная боль?», но не спросила, не желая давать поводъ швейцарцу думать, что ея сынъ плохо воспитанъ и не знаетъ приличій.

Она только чуточку сдвинула свои красивыя брови и принялась за супъ.

Тормеръ, рыжеватый незначительный молодой человѣкъ, съ большой бородавкой надъ лѣвой бровью и козлиной бородкой, съ приличной жадностью принялся за обѣдъ. Болѣзнь его воспитанника ни мало, казалось, не волновала его. Глядя на его довольное лицо, успокоилась и Ненни. Она только между вторымъ и третьимъ блюдомъ лаконически бросила швейцарцу:

— Est-il couché?

— Oui, madame **),—отвѣтилъ тотъ.

И они снова замолчали.

III.

Павликъ Кремницкій не былъ боленъ. Съ нимъ случилось нѣчто болѣе важное, нежели самая серьезная болѣзнь. Конечно, болѣе серьезное и важное, потому что, когда Павликъ болѣлъ корью и дифтеритомъ, у него не было такой тупой и мучительной боли въ сердцѣ, которую онъ испытываетъ теперь, испытывалъ весь сегодняшній день, съ той самой минуты, какъ Климушка Аникинъ «открылъ ему глаза».

Ахъ, какъ это мучительно, какъ больно! Но все-таки пусть будетъ лучше это, пусть будетъ эта боль, это болѣзненное сверленіе души и сердца, нежели вѣчная слѣпота, вѣчное незнаніе истины, полная невозможность дѣйствовать.

А теперь развѣ онъ, Павликъ, можетъ сдѣлать что-либо? Да и сумѣетъ-ли онъ? И при одной этой мысли духъ захватывало въ груди мальчика и сердце колотилось въ груди, какъ подстрѣленная птица.

Вчера, недѣлю, годъ тому назадъ... что годъ? цѣлые долгіе, долгіе годы онъ, Павликъ, былъ покоенъ и счастливъ. Онъ былъ, какъ у Христа за пазухой, какъ про него не безъ зависти говорили его товарищи-одноклассники, чахлые, зеленые, малокровные мальчуганы, дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, выросшія въ сырыхъ квартирахъ на жидкой пищѣ, среди горя и нужды.

И онъ, дѣйствительно, считалъ себя счастливымъ: у него были удобства, комфортъ, роскошь, а главное—была мать, умная, добрая, красивая, которая его любила больше всего на свѣтѣ и жила только для него исключительно—по крайней мѣрѣ, это говорили и сама мать, и всѣ знакомые, и друзья ихъ.

Онъ зналъ до этого дня, что мать его рано овдовѣла и всю свою жизнь посвятила ему, Павлику. Она нанимала ему лучшихъ нянекъ и боннъ, заваливала его игрушками, наблюдая за его воспитаніемъ и ведя его по системѣ лучшихъ англійскихъ педагоговъ.

Съ той минуты, какъ только начинаетъ себя помнить Павликъ, онъ видитъ громадную, свѣтлую комнату, полную воздуха, съ гигіенично окрашенными масляной краской стѣнами, помнитъ нянекъ тоже въ очень гигіеничныхъ, изумительно чистыхъ форменныхъ, какъ у пансіонерокъ, платьяхъ и бѣлоснѣжныхъ передникахъ... потомъ мать... всегда спокойную,

*) — А Павликъ?

— Онъ проситъ извинить его, но онъ не въ состояніи обѣдать за столомъ.

— Онъ заболѣлъ?

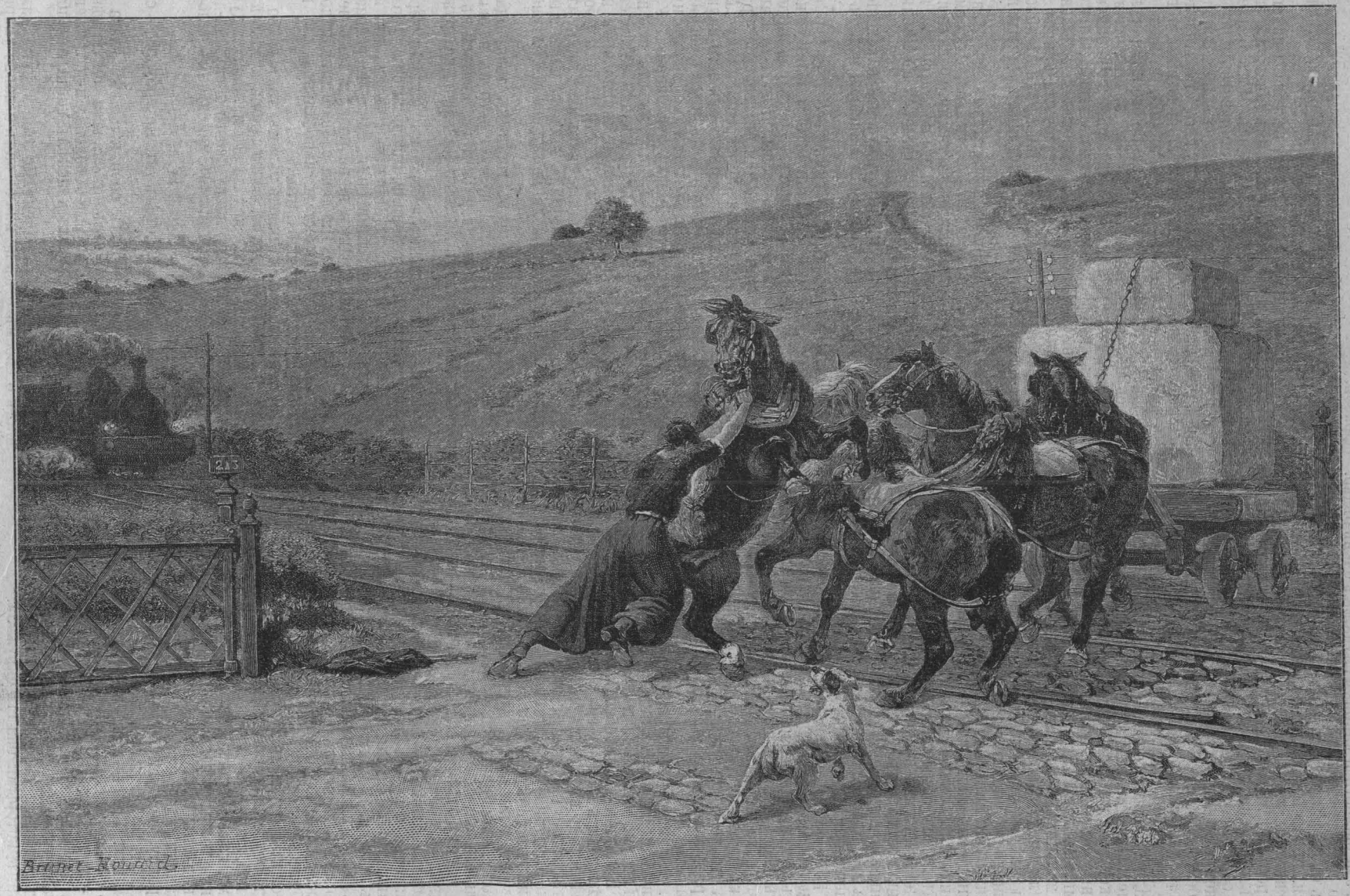
— О, нѣтъ... Немного болитъ голова. Во всякомъ случаѣ, это скоро пройдетъ.

— Но, тогда...

**) — Онъ лежитъ?

— Да, сударыня.

ОНИ ДРУГЪ ДРУГА ПОНИМАЮТЪ. Съ картины Л. Моллера.



НА РЕЛЬСАХЪ. Съ картины П. А. Брюне-Гуаръ.

ровную, ласково улыбающуюся, съ ея не то строгими, не то молитвенными глазами, которую онъ любитъ и боится, несмотря на то, что она ни раза не повысила голоса на него, даже въ минуты его шалостей и капризовъ.

Впрочемъ, эти шалости и капризы случались очень рѣдко. Павлику было некогда заниматься ими. У него вся его маленькая жизнь была распредѣлена на часы. Онъ вставалъ по часамъ, мылся, причесывался, молился Богу. Потомъ шли игры, чтеніе книжекъ, когда онъ былъ малышемъ, и уроки, когда онъ подросъ. Послѣ обѣда, вплоть до вечера, онъ проводилъ съ мамой въ тѣ дни, когда у нея, конечно, не было засѣданій въ тѣхъ обществахъ, гдѣ она предсѣдательствовала или состояла членомъ. Это было лучшее время Павлика. Англичанка-бонна, безукоризненной чистоты и непремѣнно въ бумажномъ платьѣ, уходила къ себѣ и не появлялась до самаго чая и онъ все это время проводилъ съ мамой.

Мама читала ему интересныя книжки, въ которыхъ говорилось о маленькихъ мальчикахъ, очень покорныхъ, очень послушныхъ, которые, въ концѣ концовъ, выростали и дѣлались непремѣнно полезными дѣятелями своего отечества, или-же героями. Павликъ такъ уже это и зналъ въ началѣ разсказа, что мальчикъ выросталъ къ концу повѣсти и приносилъ такъ или иначе пользу государству. Сказокъ мама не читала. По ея мнѣнію, онѣ слишкомъ будили фантазію ребенка и извращали его умственное развитіе. Когда мама уставала читать, они принимались играть въ англійское лото или гусекъ и играли до вечерняго чая.

Потомъ приходила бонна и уводила Павлика въ спальню, гдѣ, послѣ тщательнаго обмыванія всего его здороваго, пухленькаго тѣльца комнатной водой, она укладывала мальчика въ постель и шла звать мать. Ненни всегда присутствовала во время утренней и вечерней молитвы Павлика, послѣ которой крестила его, цѣловала и выходила неслышно, легкая, стройная, съ неизмѣнно-довольной улыбкой на устахъ.

И каждый разъ этотъ уходъ оставлялъ смутное недовольство и разочарованіе въ душѣ Павлика. Каждый разъ ему хотѣлось уцѣпиться за подолъ красиваго, дорогого платья матери, заставить ее остаться съ нимъ и ласкать его душистой и нѣжной рукой, пока онъ не позабудется сномъ.

Но мальчикъ подавлялъ въ себѣ это желаніе: онъ зналъ, что мама ни за что не согласится съ нимъ, потому что это нарушило-бы разъ заведенныя традиціи, строго обдуманный методъ воспитанія.

Онъ зналъ, что мама—врагъ нервныхъ и порывистыхъ проявленій чувства и признаетъ лишь здоровую, бодрую ласку—свѣтлую и ясную, оставляющую только слѣдъ довольства и спокойствія. И мало-по-малу ребенокъ сталъ отвыкать отъ потребности бесѣдовать на сонъ грядущій съ матерью, засыпать на ея колѣнахъ и видѣть въ послѣднюю минуту предсоннаго сознанія нѣжно склоненное надъ нимъ дорогое лицо.

Разъ только, будучи уже десятилѣтнимъ гимназистомъ, Павликъ ощутилъ въ себѣ еще разъ съ утроенной силой непреодолимую жажду излить изъ души истерически-нѣжную, порывистую ласку, накопившуюся въ ней. Въ гимназіи произошелъ печальный случай. Одинъ изъ мальчиковъ по неосторожности выпалъ изъ окна пятаго этажа и тутъ-же умеръ, на улицѣ.

Съ быстротою молніи разнеслась эта вѣсть по городу и около сотни матерей и родственниковъ въ тотъ-же часъ пріѣхали въ гимназію съ блѣдными, измученными недобрымъ предчувствіемъ лицами. Павликъ отлично помнитъ худенькую старушку-мать Климушки Аникина, съ истерическимъ воплемъ сжавшую сына въ своихъ объятіяхъ. Помнитъ Павликъ и то незнакомое, чуждое ему ощущеніе въ груди, отъ котораго сердце его забилось шибко и больно и какой-то тяжелый комокъ подкатился къ горлу и едва его не задушилъ.

Ему вдругъ неудержимо захотѣлось къ мамѣ, увидѣть ее, прижаться къ ней, зарыться въ ея колѣнахъ головою и рыдать неудержимо, какъ рыдалъ Климушка.

Но, когда изъ толпы взволнованныхъ, измученныхъ тревогой родственниковъ выступила его блѣдная, красивая, но на-диво сдержанная мать, когда она ласково обняла его и, отводя въ сторонку, шепнула ему одобряюще: «Allons, allons, soyons bravs, chèri *)!», желаніе плакать и ласкаться сразу пропало у Павлика. Комокъ какъ-бы отвалился отъ горла и на душѣ стало спокойно, свѣтло, но какъ-то нерадостно.

И послѣ этого послѣдняго порыва Павликъ уже не ощущалъ въ себѣ жажды нѣжной, бередящей душу ласки и подчинился со слѣпою покорностью тѣмъ спокойнымъ, сдержаннымъ заботамъ, которыя дарила ему мать, тѣмъ уравновѣшеннымъ ласкамъ, которыми она его окружала.

Онъ заболѣвалъ корью и дифтеритомъ и день и ночь около своей постели видѣлъ ее, смотрѣвшую на него спокойнымъ, ласковымъ взглядомъ, мѣнявшую ледъ на его пылающей головѣ, и при этомъ ни тѣни волненія, ни страха не было замѣтно во всемъ ея прекрасномъ существѣ.

*) Ну, будемъ-же мужественны, дорогой!

И, когда обреченный уже было на смерть Павликъ поднялся на ноги, полуживой отъ слабости, и потянулся къ матери съ жалобной улыбкой и нервными слезами, она только наскоро обняла его и поцѣловала въ лобъ со своей неизмѣнной фразой:

— Allons, chèri, soyons bravs!

И, замѣтя готовность мальчика разрыдаться, она передала его боннѣ и поспѣшила уйти.

Пока Павликъ былъ малъ, онъ не желалъ ничего большаго. Его закаляли самымъ спартанскимъ образомъ, закаляли его тѣло и физически укрѣпляли нервы. Мать болѣе всего опасалась увидѣть въ немъ проявленіе чувствительности, нервности и сантиментальности. Калѣки и нищіе, попадающіеся на пути ребенка во время его прогулокъ, старательно загораживались отъ него внушительною спиною выѣзднаго Гаврилы. На вопросъ мальчика: «что съ ними?», и мать, и бонна, и выѣздной Гаврила, сопровождавшіе его на прогулкахъ, торопились пояснить Павлику, что это ничего, что это вовсе не больно и т. д. Книжки, дѣйствующія на нервную впечатлительность, конфисковались самымъ тщательнымъ образомъ, прислуга выбиралась сытая, здоровая и довольная—и Павликъ Кремницкій росъ, какъ сказочный принцъ того обильнаго царства, гдѣ текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ и гдѣ только живутъ счастливые, богатые и довольные люди.

И Павликъ Кремницкій росъ такимъ счастливымъ ребенкомъ, пока... пока не поступилъ въ гимназію, гдѣ ему пришлось столкнуться съ бѣдными и несчастными, убогими и голодными дѣтьми. Отъ этого столкновенія его не могла спасти тщательная опека матери, во-время замѣтившей въ Павликѣ наклонности къ излишеству и тщеславію.

«Надо помѣстить его въ буржуазное заведеніе,—рѣшила Ненни,—потому что блестящій пансіонъ можетъ испортить его нравственность».

И Павлика помѣстили въ гимназію.

Первымъ другомъ Павлика явился Климушка Аникинъ бѣдный слабогрудый ребенокъ, обитатель петербургскихъ подваловъ, сынъ чиновницы-вдовы. И тутъ-то Павликъ впервые узналъ, что такое дружба и беззавѣтное братское чувство. Онъ ходилъ обнявшись по рекреаціонному залу съ этимъ тщедушнымъ Климушкой и узнавалъ отъ него науку мудрости житейской, которую не могъ узнать ни отъ своей блестящей матери, ни отъ предусмотрительныхъ педагогичекъ-англичанокъ, ни отъ легкомысленныхъ гувернеровъ. Узналъ Павликъ и цѣну нищетѣ и богатству, узналъ всю подноготную людского существованія, и искусственно задавленная стараніями матери чуткость ребенка проявилась въ немъ съ необычайной силой въ какомъ-то стихійномъ обожаніи Климушки. Странно было видѣть, какъ блестящій атлетъ-мальчикъ, «красавчикъ Кремницкій», какъ его называли товарищи, подчинялся малѣйшему желанію худенькаго, блѣднаго, хромого Климушки.

Павлика не пускали въ гости къ товарищамъ, а тѣмъ болѣе къ Климушкѣ, живущему гдѣ-то въ подвалѣ. А Климушка былъ слишкомъ гордъ, чтобы явиться въ домъ Кремницкихъ, зная взглядъ Натальи Павловны на дружбу съ нимъ ея сына.

И мальчики видѣлись только въ гимназіи, дорожа каждой минутой свиданія, и говорили, говорили безъ умолка.

Что это были за часы! Павликъ ихъ никогда не забудетъ. Онъ былъ очень счастливъ ими, пока не разразился этотъ ужасный ударъ надъ нимъ, не разразился такъ неожиданно и грубо... Все существо Павлика словно придавило этой навалившейся на него тяжестью, непосильной для изнѣженной въ холѣ души юнаго сибарита.

И какъ все это случилось разомъ, такъ грубо и не нужно! Да, именно не нужно грубо, въ то время, когда онъ, Павликъ, нашелъ то, чего смутно искала его маленькая душа, нашелъ безхитростную, горячую ласку своего товарища-друга и считалъ себя самымъ счастливымъ маленькимъ человѣкомъ...

IV.

— А знаешь, твой отецъ въ Петербургѣ! — сказалъ ему утромъ Климушка.

Павликъ вытаращилъ свои красивые глаза на друга и сталъ медленно краснѣть отъ начала лба до нѣжной бѣлой шеи, до корней бѣлокурыхъ волосъ, подстриженныхъ ежикомъ. Павликъ всегда такъ краснѣлъ, когда что-либо удивляло, поражало его.

А удивляться было чему. До этой минуты мальчикъ слышалъ о своемъ отцѣ не иначе, какъ о давно умершемъ. Мать рѣдко поднимала съ нимъ разговоръ о немъ и Павликъ, чрезвычайно чуткій по природѣ, объясняя себѣ это не пережитою еще горечью потери, старался не растравлять разспросами сердца матери.

И вдругъ ему говорятъ о его отцѣ — не о мертвомъ отцѣ, а о живомъ человѣкѣ, да еще живущемъ близко отъ него. Павлика, въ одномъ городѣ съ нимъ. Первымъ побужденіемъ

мальчика было кинуться къ матери и добиться отъ нея правды Но тутъ-же что-то инстинктивно удержало его отъ задуманнаго и дало новый поворотъ его мыслямъ.

А Климушка послѣ своего неудачнаго сообщенія какъ-то разомъ осѣкся.

Мальчикъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что Павликъ знаетъ истину, но скрываетъ ее изъ желанія поддержать честь семьи.

Но, взглянувъ въ чистые, правдивые глаза Павлика, Климушка разомъ понялъ, что сдѣлалъ непростительную ошибку.

— Павликъ... голубчикъ... ты того... — залепеталъ онъ сбивчиво и смущенно, — ты это брось, Павликъ! Ошибся я, ей Богу-же, ошибся! Ну, мало-ли у васъ однофамильцевъ, право. Плюнь, Павликъ!

Но юный Кремницкій даже не слышалъ, казалось, что говорилъ ему его другъ. Онъ далеко ушелъ отъ него мыслями въ эту минуту.

Предъ духовными взорами Павлика разверзлась пропасть. То, во что онъ вѣрилъ свято и чисто, то, что ему представлялось олицетвореніемъ правды, святой правды, — его мать скрыла отъ него что-то важное и значительное, такое значительное, что должно отнынѣ перевернуть весь внутренній строй его жизни. Павликъ ни на минуту, ни на секунду не обвинилъ матери: если она скрыла, значитъ, она должна была поступить такъ, значитъ, она не могла сдѣлать иначе. Таково было прочное убѣжденіе Павлика. Авторитетъ матери былъ непоколебимъ для него. Но и онъ, Павликъ,—не ребенокъ больше. Предъ нимъ приподнялся край завѣсы, скрывавшей отъ него его жизнь, его настоящее, заглянуть въ которое ему необходимо, разъ онъ ужъ узналъ часть невѣдомаго...

Весь дрожащій и блѣдный отъ охватившаго его волненія, Павликъ крѣпко сжалъ руку Климушки и процѣдилъ сквозь зубы:

— Мой отецъ живъ? Это — правда?

Климушка, тоже блѣдный и тоже взволнованный не меньше самого Павлика, отвѣтилъ, заикаясь:

— Я... я, право, не знаю... кажется, онъ умеръ давно... Право...

— Не лги! не лги, Христа ради, Аникинъ! — почти прорыдалъ Кремницкій, — довольно лжи, не надо! Я — не дитя больше! Я довольно окрѣпъ, чтобы узнать истину, какова-бы она ни была! Слышишь-ли? Ты долженъ мнѣ сказать правду, долженъ, если ты — настоящій другъ мнѣ!

Лицо Павлика дергалось нервной судорогой, глаза блестѣли, весь онъ былъ олицетвореніемъ недѣтскаго страданія, заставившаго сердце Климушки сжаться отъ боли. И Климушка, дрожа и заикаясь, разсказалъ все, что требовалъ отъ него Павликъ. И, чѣмъ больше говорилъ Климушка, тѣмъ блѣднѣе становилось всегда розовое, свѣжее личико мальчика, тѣмъ ярче горѣли его обыкновенно спокойно сіявшіе глаза.

Monsieur Тормеръ пришелъ за нимъ въ три часа и испугался при видѣ этого разомъ осунувшагося юнаго личика, этихъ странно горящихъ глазъ.

— Etes vous malades, mon jeune ami *)? — обратился онъ къ нему тревожно.

Но Павликъ молчалъ, не разслышавъ даже вопроса, предложеннаго ему швейцарцемъ, молчалъ и во весь обратный путь къ дому. Молча-же раздѣлся онъ въ громадной свѣтлой прихожей и, проскользнувъ въ свою изящную, по-дѣвичьи убранную спальню, кинулся въ постель и, зажавъ зубами уголъ подушки, чтобы не разрыдаться страстными, дѣтски-безсильными слезами, лежалъ такъ, весь олицетвореніе перваго безысходнаго человѣческаго горя...

V.

Извозчикъ трусилъ невѣроятно долго по извилистымъ и грязнымъ улицамъ Выборгской стороны. Павликъ и Климушка жались другъ къ другу, дрожа отъ утренняго холода и нервнаго волненія.

Климушка повременамъ дѣлалъ свои замѣчанія, на которыя Павликъ не отвѣчалъ ни словомъ.

Вѣрный другъ, Климушка разузналъ адресъ старшаго Кремницкаго, съѣздилъ къ нему въ самое захолустье на окраину города и, приготовивъ заранѣе отца къ свиданію съ сыномъ, везъ теперь къ нему Павлика, тайкомъ вырвавшагося изъ дома.

Сердце Павлика то билось нестерпимо сильно неровнымъ, быстрымъ боемъ, то замирало отъ невыразимо-болѣзненной и сладкой тоски. Онъ находился, словно въ туманѣ, весь ушелъ куда-то во внутрь себя и вся его внѣшняя оболочка, вмѣстѣ съ Климушкой и извозчичьими санями и кривыми улицами,— все переставало существовать для него.

Впереди была одна цѣль—увидѣть отца, только увидѣть. Онъ не шелъ дальше этого. Мысль останавливалась на данномъ желаніи и за нимъ словно поднималось и выростало какое-то темное облако, дальше котораго онъ ничего не могъ разобрать.

— Пріѣхали,—вывелъ Павлика изъ его столбняка голосъ Климушки, въ то время какъ сани остановились предъ большимъ грязнымъ, сѣрымъ домомъ, напоминавшимъ скорѣе толстую стѣну, нежели убѣжище для жилья.

Что-то разомъ дрогнуло и оборвалось въ сердцѣ Павлика. Онъ машинально высыпалъ мелочь, вынутую изъ кармана, на грязную ладонь извозчика и такъ-же машинально послѣдовалъ за Климушкой по какой-то отвратительно-темной лѣстницѣ, куда-то очень высоко, чуть-ли не въ шестой этажъ.

И—странное дѣло!—въ то время, какъ дрожащія ноги Павлика перебирали скользкія ступени, его сердца уже не пополняло больше страстное желаніе увидѣть поскорѣй отца. Оно словно замолкло, словно нерестало биться и теперь только сжималось непріятной, болѣзненной тоской.

Но ступеньки завернули еще разъ, лѣстница закончилась и какъ-то разомъ уперлась въ дверь.

— Здѣсь?—почти беззвучно спросили дрожащія губы Павлика, когда онъ вошелъ въ полутемную каморку съ тяжелымъ запахомъ капусты и грязнаго бѣлья.

— Василій Давыдовичъ,—вмѣсто отвѣта звонкимъ, не своимъ точно голосомъ, какъ показалось, по крайней мѣрѣ, Павлику крикнулъ Климушка.—Откройте намъ, я привезъ Павлика!

Въ каморкѣ разомъ посвѣтлѣло. Противоположная дверь широко раскрылась, и Павликъ прежде всего увидѣлъ маленькій столъ, покрытый бѣлой заплатанной во многихъ мѣстахъ скатертью, ярко вычищенный самоваръ, полуштофъ водки и толстую женщину съ видомъ прачки, стоявшую у двери со скрещенными на груди руками.

Того, кого онъ жаждалъ видѣть, для кого стремился сюда всѣмъ своимъ существомъ, Павликъ не могъ видѣть. Слезы разомъ застлали ему глаза. Ротъ судорожно скривился, голова наполнилась новымъ туманомъ... Онъ инстинктивно схватился за косякъ двери, чтобы не грохнуться на полъ. Ему неожиданно страстно захотѣлось сорваться и убѣжать куда-нибудь далеко отъ всего этого, ни о чемъ не думать, ничего не желать и только жить безъ тѣни сознанія, не думая ни о чемъ.

Но ноги не повиновались, мысль не слушалась, а въ сердцѣ наростало что-то стихійно-сильное, куда болѣе сильное, нежели это малодушное желаніе, и заставило его остаться пригвожденнымъ къ мѣсту, поднять глаза и взглянуть прямо въ глаза того, кто стоялъ предъ нимъ.

И Павликъ взглянулъ и увидѣлъ. Это былъ маленькій, кругленькій человѣкъ, съ сильно выдающимся брюшкомъ и въ засаленномъ старомъ сюртучишкѣ. На ногахъ кругленькаго человѣчка были надѣты войлочныя туфли, а начинавшую лысѣть голову прикрывало что-то въ родѣ татарской тюбетейки. Глаза его слезливо мигали, ротъ улыбался заискивающей и немного растерянной улыбкой, кончикъ носа предательски краснѣлъ.

«Неужели онъ?»—мучительно, вихремъ пронеслось въ мысляхъ Павлика.

Онъ не былъ романтикомъ по натурѣ, но все-же совершенно иначе рисовалъ въ воображеніи отца. Ему представлялся измученный, пришибленный жизнью, гордый боецъ, а не это уничтоженное въ конецъ, слабое, затерянное существо съ явными признаками приверженности къ алкоголю.

И онъ, мучительно краснѣя, взглянулъ еще разъ въ самые зрачки стоявшаго предъ нимъ человѣка. Сомнѣній больше не было: это—его отецъ. Онъ помнитъ по карточкамъ эти добродушные глаза, эти полныя губы... это—онъ!..

— Папа!—принуждаетъ себя сказать Павликъ.

— Пашенька,—слышитъ онъ въ отвѣтъ хриповатый, надтреснутый голосъ.—Сколько лѣтъ не видѣлись!.. Думалъ-ли... а вотъ... Не зналъ, что вы такимъ красавчикомъ выростите...

«Онъ говоритъ мнѣ «вы», — быстро сообразилъ Павликъ и еще мучительнѣе сжалось его сердце.—Не то это... ахъ, не то, не то... и зачѣмъ я, въ самомъ дѣлѣ?..»

— Вы простите папашеньку, Павелъ Васильевичъ,—неожиданно раздался незнакомый, сладковато-протяжный голосъ надъ ухомъ Павлика и до сихъ поръ неподвижно стоявшая у двери женская фигура отдѣлилась отъ нея и подошла къ группѣ,—вы ужъ простите ихъ,—повторила она,—они въ разстройствѣ и не скоро соберутся съ силами. А вы чайку выкушайте, не побрезгайте, вотъ и мѣстечко вамъ готово, а папашенька тоже подкрѣпятся въ это время.

Павликъ вскинулъ на говорившую большими изумленными глазами, потомъ перевелъ ихъ на отца и прочелъ въ его взглядѣ какую-то боязливую, робкую мольбу.

(Окончаніе будетъ.)

(* Вы больны, мой юный другъ?

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

КАКЪ только онъ сказалъ это, сейчасъ-же почувствовалъ облегченіе на душѣ. Вотъ это и было тѣмъ назрѣвавшимъ въ душѣ нарывомъ, который мучительно болѣлъ и повергалъ его въ мрачное уныніе.

— Ждать? Зачѣмъ-же ждать, да еще долго? Не самъ-ли ты сказалъ, что свободенъ? Вѣдь, ты только что сказалъ, что свободенъ.

— Да, сказалъ,—стономъ вырвалось у Ивана Петровича,—сказалъ. Но я говорилъ о другой свободѣ, о свободѣ отъ службы, отъ семьи, отъ всѣхъ этихъ неумныхъ препятствій. Однако, есть другое препятствіе... гораздо болѣе существенное...

— Я знаю, о чемъ ты говоришь,—грустно поникнувъ головой, сказала Натарова.

— Да,—уныло проговорилъ онъ,—я именно объ этомъ. Я долго, очень долго думалъ о нашемъ бракѣ. Нашъ бракъ невозможенъ... пока. Я пришелъ къ этому. Я этому не вѣрилъ сначала, но это такъ, это такъ.

Она хотѣла ему возразить и протянула руку.

Но Иванъ Петровичъ не далъ ей возможности говорить.

— Ты первая,—горячо продолжалъ онъ,—ты первая заронила въ мою душу искру сомнѣнія...

— Я?—вскрикнула Натарова, пораженная.

— Да, ты—въ тотъ вечеръ, когда я пришелъ къ тебѣ послѣ того, какъ подалъ въ отставку. Ты была права; тогда я не понялъ этого. Теперь я вижу, что это такъ, что это—правда. Ты не можешь покинуть этотъ городъ. Ты не бросишь своего дѣла, ты не можешь бросить его. На что-бы ты стала жить? А я? У меня никакого дѣла еще нѣтъ и когда оно будетъ? И будетъ-ли?—съ тоской сказалъ онъ.—Какъ-же я могу жениться на тебѣ сейчасъ? Я не могу это сдѣлать. Я не могу жить у тебя... на хлѣбахъ...

— Я это знала, я это знала, я говорила!—ломая руки, прошептала она.—Ты не изъ тѣхъ, которые презираютъ людскіе разговоры, которые могутъ смѣло дѣлать то, что имъ кажется умнымъ, справедливымъ, необходимымъ, не справляясь съ мнѣніями и взглядами людей. Въ тебѣ нѣтъ настоящей силы для завоеванія счастья. И это началось раньше, чѣмъ я думала. Ты—человѣкъ вѣка, полонъ старыхъ предразсудковъ...

— Юля!

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить. Ты больно огорчилъ меня. Вы всѣ толкуете о равныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ. Но вы только толкуете, это у васъ все въ теоріи, въ мозгу, на бумагѣ, на практикѣ-же вы тотчасъ-же оказываетесь безсильными. Вы не хотите признать за нами эти права въ полной мѣрѣ и въ полной искренности и съ полной свободой. Васъ угнетаетъ, васъ держитъ въ тискахъ навалившееся на васъ прошлое. Такъ тогда не къ чему говорить о новыхъ взглядахъ...

— Новый взглядъ—жить на хлѣбахъ у жены?—спросилъ онъ, схватившись за голову.

Натарова энергично ему отвѣтила:

— Если вы, мужчины, имѣете право „держать на хлѣбахъ“, какъ ты выражаешься, жену, то почему не имѣемъ этого права мы, если права наши равны? Это—какое-то презрѣніе къ женскому труду, къ женскимъ способностямъ зарабатывать средства къ жизни, какое-то брезгливое отношеніе къ этому праву женщины трудиться, какъ-будто трудъ женщины нечистый! Всѣ вы одинаковы въ своемъ вѣковомъ презрѣніи къ женщинѣ! Но тогда... постой!.. какое-же право имѣлъ ты смутить мой душевный покой? Какое право имѣлъ ты вторгнуться въ мою жизнь, возбудить надежды?..

Голосъ ея осѣкся и она замолчала. Она чувствовала, какъ въ этотъ душистый лунный вечеръ что-то тяжелое, огромное вдвигается клиномъ въ ея существованіе, какъ счастье, мелькнувшее, словно радужный миражъ, быстро скрывается отъ нея, уходя за эти темно-синія громады горъ. И въ груди, около сердца, она ощущала острую, почти физическую боль. Она чувствовала, что теперь могла говорить, что угодно и какъ угодно—голосомъ разсудка или криками измученнаго, взбудораженнаго сердца,—ни одно слово не дойдетъ до любимаго человѣка въ неискаженномъ видѣ, а расплющится о твердую, несокрушимую стѣну вѣкового предразсудка, которою онъ оградилъ свой разумъ, свое сердце, свою волю. Она чувствовала въ немъ что-то новое, чужое, поселившееся въ немъ и овладѣвшее имъ. Онъ слишкомъ поторопился и не расчиталъ своихъ силъ.

Да, Натарова это предвидѣла, предвидѣла еще въ тотъ вечеръ, о которомъ сейчасъ упомянулъ Иванъ Петровичъ. Не съ его силами было идти войною на предразсудки и традиціи общества. Онъ—не новаторъ, не иниціаторъ, не герой.

Она попробовала еще одну попытку.

— Ваня!—сказала она, прижавшись къ нему.—Но отчего намъ, наконецъ, не жениться? Ты будешь спокойно искать работы или мѣста и, конечно, найдешь ихъ скоро. Вѣдь, ты молодъ, здоровъ, полонъ энергіи. Ольховскій устроитъ тебѣ что-нибудь... Тебѣ не надо будетъ терзаться, торопиться, схватывать все, что попадется подъ руку...

Иванъ Петровичъ молчалъ.

Натарова не знала, что еще сказать ему. Она не находила словъ.

— Наконецъ,—вдругъ сказала она и лицо ея искривилось печальной улыбкой,—если такъ необходимо мужу считаться съ женой въ своихъ расходахъ, мы можемъ это сдѣлать потомъ... позже... Я даже готова записывать эти расходы, если ты считаешь необходимымъ отравлять первые дни нашей любви этими странными счетами...

Ея шутка прозвучала глухо, уныло.

Но Иванъ Петровичъ упорно молчалъ.

Луна стояла теперь высоко на небѣ, окруженная звѣздами. Серебряныя оковы горъ казались ярче, а самыя горы темнѣе. Черныя раины тамъ внизу, въ узенькой долинѣ горной рѣки, высились мрачными силуэтами, точно призраки, внимательно прислушивавшіеся къ тому, что происходило вокругъ нихъ. И рѣка бурливо шумѣла, а весенній вѣтеръ доносилъ изъ ротонды мягкіе меланхолическіе звуки вальса изъ „Лебединаго Озера“.

Иванъ Петровичъ страдалъ. Ему хотѣлось любить, любить горячо, беззавѣтно, безъ думъ и размышленій. Но мысль, овладѣвшая имъ, держала его въ узкихъ тискахъ и причиняла жестокую боль его чувству.

Онъ вдругъ всталъ, повинуясь какому-то внутреннему рѣзкому порыву. Какъ-то торопливо, точно убѣгая отъ самого себя, словно боясь, что онъ не выдержитъ и сдастся, онъ быстро простился съ Натаровой и голосъ его звучалъ холодно и сухо.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ И БУЦЕФАЛЪ. Съ картины **Ф. Шоммера.**

— Это невозможно. Прощай. Если можешь, подожди.

Онъ не далъ ей времени отвѣтить. На нее повѣяло холодомъ и вся она точно сжалась, ушла въ себя. Она такъ растерялась, что не могла сообразить отвѣтъ.

Только одно слово вырвалось изъ ея поблѣднѣвшихъ губъ:

— Постой...

Но онъ даже не отвѣтилъ ей.

Онъ шелъ по краю дороги и лунный свѣтъ низвергалъ длинную тѣнь его въ бездну обрыва.

И силуэтъ его вскорѣ исчезъ за кущами деревьевъ, точно растаялъ въ голубовато-серебристомъ воздухѣ весенней ночи.

XI.

Двѣ недѣли спустя, Иванъ Петровичъ былъ на вокзалѣ и ожидалъ Матвѣя Семеновича.

Матвѣй Семеновичъ подъѣхалъ вскорѣ къ вокзалу на фаэтонѣ, обложенный чемоданами и свертками.

Онъ все сдалъ артельщику, а самъ подошелъ къ Ивану Петровичу и усѣлся съ нимъ въ буфетѣ за столикомъ.

— Еще часъ до отхода поѣзда. А если заговоримся, то, ничего, машинистъ подождетъ — свои люди!—весело сказалъ онъ.—Я не могъ, другъ мой, вамъ отвѣтить, былъ очень занятъ, потому и просилъ васъ пріѣхать сюда. Jo parto *)!—пропѣлъ онъ.—Отрясаю прахъ отъ ногъ своихъ на градъ сей скудельный. Стажъ кончился. Не совсѣмъ добровольно, но... кончился.

— Я слыхалъ объ этомъ отъѣздѣ и встревожился. Ничего не могъ понять. Въ чемъ дѣло?

— О, молодой человѣкъ! Весь городъ говоритъ о моемъ переводѣ вотъ уже дней десять. Ничто не можетъ быть тайнаго, что не сдѣлалось-бы явнымъ въ семъ скудельномъ городѣ. Какъ-же вы не знали?

— Я нигдѣ не бываю,—мрачно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— И напрасно. Молодой человѣкъ долженъ вездѣ бывать, все видѣть, все слышать.

Иванъ Петровичъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Но все-таки я не знаю, что-же случилось? И почему такъ внезапно?..

— Макаровъ,—отвѣтилъ инженеръ.

Иванъ Петровичъ заморгалъ глазами.

— Что такое? Макаровъ? Не понимаю.

— Макаровъ! Тотъ самый Макаровъ, который предлагалъ мнѣ смѣту на срытіе горки съ ровнаго мѣста. Помните?

— Ахъ, да...

— Ну, вотъ. Я его смѣту подстригъ гогда ежикомъ, знаете, чуть не подъ гребенку. Ну, натурально, онъ все не вѣрилъ, что я это сдѣлаю, а потомъ возьми, да и обидься. Ну, а за обидой пошли доносы, а потомъ жалобы главному начальству. Начальство „вызвало“. Я явился, былъ разговоръ! Была игра!

— И его смѣнили?

— Кого?

— Макарова?

Матвѣй Семеновичъ засмѣялся.

— Ничуть...

— Какъ ничуть?

— Да такъ. Смѣнили, только не его, а меня.

— Да что вы говорите?!

— Да вотъ то и говорю.

— На какомъ-же основаніи?

— А безъ всякаго основанія. На основаніи непочтительнаго разговора съ начальствомъ. Оказалось, что Макаровъ срываетъ горки на ровномъ мѣстѣ и сочиняетъ захватывающаго интереса смѣты не только для меня, а и для главнаго начальства. Ну, вотъ. Ясно? Я потребовалъ его удаленія, а главное—начальство просило оставить и „не притѣснять“ его. Человѣкъ, молъ, вѣрный, давнишній и весьма пользительный... для кармана.

— Кто это главное начальство?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, — протянулъ инженеръ. — Nomina sunt odiosa *). Экое любопытство!

— И что-же дальше?

— А дальше – какъ по маслу. Я не согласился его оставить. Тогда начались придирки и кляузы. Я просилъ тогда самъ, чтобы меня перевели. А тутъ подвернуся запросъ отъ одного горнопромышленнаго завода — огромное предпріятіе, частное, правда, но все равно, тамъ полагается имѣть правительственнаго инженера. Я и говорю начальству: такъ и такъ—или меня отправить туда... жалованье — во! — разставилъ руки Матвѣй Семеновичъ,—это такъ, въ скобкахъ, или я останусь. J'y suis j'y reste **). А ежели угодно будетъ смѣстить меня, потребую назначенія надъ собой суда и слѣдствія. Ну, натурально, это невыгодно для начальства, потому что тогда, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, нужно выложить Макарова и его смѣту, подлинничекъ которой мною къ сему случаю весьма благоразумно и предусмотрительно попридержанъ. Ну, скоро сказка сказывается, а еще скорѣе дѣлается въ нашъ вѣкъ пара и электричества. И вотъ — jo parto изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ съ горной природой и душистымъ воздухомъ. Вы не находите, что нашъ городокъ—pardon, вашъ городокъ, ибо онъ теперь не мой! — похожъ на парфюмерный магазинъ, такъ въ немъ здорово пахнетъ? Нашъ содержатель парфюмернаго магазина, готовящій не духи, а „парфюмъ“, навѣрное, жалѣетъ, что этотъ воздухъ нельзя какъ-нибудь сжать въ жидкость, получилась-бы готовая эссенція...

Онъ примолкъ, мелькомъ взглянулъ на Ивана Петровича и продолжалъ болтать, наскоро уничтожая порцію рыбы.

— Да-съ, мой молодой другъ! Уѣзжаю. Прощай, нашъ чудный городъ, гдѣ кормятъ тефтелями по-гречески пять разъ изъ семи въ недѣлю! гдѣ жена жандармскаго полковника имѣетъ сантиментальный романъ съ командиромъ полка! гдѣ самому жандармскому полковнику нечего дѣлать за полной благонадежностью обывателей! Прощай, мирный городъ, окруженный горами, гдѣ прокуроръ изнываетъ отъ тоски за отсутствіемъ преступленій и преступниковъ, хотя могъ-бы обратить свое благосклонное вниманіе на Макарова! гдѣ мужчины живутъ тихо, играя въ винтъ, а дамы — въ мушку! гдѣ кумирами служатъ опереточные теноры и гдѣ дамы, на долю которыхъ не очистилось ни одного не только тенора, но и самаго завалящаго баса, занимаются стиркой бѣлья и перемываніемъ косточекъ съ упоеніемъ и страстью!..

Онъ опять помолчалъ, взглянулъ на Ивана Петровича и, чуть запнувшись, продолжалъ:

— И гдѣ офицеры бросаютъ службу, чтобы жениться на массажисткахъ!..

— Матвѣй Семеновичъ, опять!—взмолился Иванъ Петровичъ и нахмурился.

— Ну, ладно, не хмурьтесь. Языкъ мой — врагъ мой. Когда свадьба?

*) Уѣзжаю.

*) Именъ не называютъ (дословно, имена ненавистны).

**) Я занялъ мѣсто и не уйду.

Сканировал reduktorer rutracker.org

— Не знаю.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Отложена.

Матвѣй Семеновичъ внимательно поглядѣлъ на него.

— Нѣтъ, не то!—отвѣчая на его нѣмой вопросъ, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— А что-же?

— Какъ я могу жениться, когда... когда у меня нѣтъ мѣста?

— Ахъ, да!—вспомнилъ Матвѣй Семеновичъ.—Я, вѣдь, хотѣлъ сказать вамъ... Мѣста вы теперь не получите, о которомъ я вамъ говорилъ.

— Ну, вотъ видите,—уныло сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Конечно, не получите, ибо я уѣзжаю. Ну, да и то сказать, какое ужъ это „мѣсто“! Тѣнь одна, а не мѣсто. А вы, молодой человѣкъ, не унывайте. Пріѣду я на этотъ заводъ, осмотрюсь, принюхаюсь, ошпіоню, да затѣмъ телеграмму: „ѣзжайте“. Говорю вамъ—дѣло огромное, можно сказать, грандіозное и оклады—во!

Онъ опять непомѣрно разставилъ руки.

— И вамъ, натурально, найдется.

Иванъ Петровичъ улыбнулся радостно, какъ улыбаются зарождающейся надеждѣ.

Но потомъ на лицо его легла тѣнь. Онъ уныло покачалъ головой.

— Забудете,—сказалъ онъ.

— Я-то? Вотъ ужъ никогда и ничего не забываю.

— Никогда и ничего?—можетъ быть, но никого—невѣроятно.

— И никого. Ну, да увидите. А только я остаюсь при прежнемъ мнѣніи.

— То есть?

— То есть, берите-ка вы отставку назадъ, если не поздно, и бросьте думать о счастьѣ съ прелестной массажисткой, ибо...

Онъ вдругъ замолчалъ.

— Ибо что?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ, такъ, хотѣлъ поговорить о счастьѣ и массажѣ, такъ сказать, сдѣлать нѣкую научную параллель... Слушайте,—прервалъ онъ себя.—Ну, хорошо, допускаю, что въ жизни каждаго мужчины наступаетъ моментъ нѣкоего матримоніальнаго подъема. Если вамъ ужъ такъ надо жениться... такъ женитесь вы на златокудрой Нинѣ... А? Что вы говорите?

— Я ничего не говорю, а вы говорите какія-то нелѣпости, извините меня.

— Почему именно нелѣпости? Что вы имѣете противъ златокудрой?

— Ровно ничего. Я ея не знаю, я ея не люблю. Жениться можно только по любви. Это—азбука.

— Вздоръ, молодой другъ мой! Женитьба—повѣтріе. Микробъ носится въ воздухѣ, заражаетъ организмъ, производитъ любовную лихорадку. Увѣряю васъ, для зараженія любовной лихорадкой объектъ безразличенъ—трясетъ тебя и только. Леченіе: отъѣздъ въ дальніе края, перемѣна климата, физическій трудъ и другіе естественные методы. Я—гарантированъ, потому что остороженъ. Мой организмъ застрахованъ. Иммунитетъ, сирѣчь, невоспріимчивость, если только я не путаю. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ златокудрой и мы говорили о васъ. Она вами заинтересована.

— А я ею нисколько.

— И напрасно. Изъ всѣхъ дѣвицъ здѣшняго города, это—лучшая дѣвица. Вы несогласны? Первое—красива, какъ ангелъ Фіезоле; второе—красота не банальная, а оригинальная, ничего мѣщанскаго; третье—остроумна и на язычекъ зла. Интересно, когда женщина зла на язычекъ, но интересно для такого мужчины, который самъ не полѣзетъ за словомъ въ карманъ. И вообще, златокудрая Нина...

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Добрый товарищъ. (Къ рис. на стр. 1377.) Сколько чудныхъ минутъ провела молодая дѣвушка, перепрыгивая на осѣдланной лошади черезъ овраги и изгороди. Какъ вихрь, мчалась лошадь, неся на своей спинѣ легкую ношу и радостнымъ ржаніемъ выражая свое удовольствіе за то, что нѣжная, маленькая ручка трепала ее по крутой шеѣ. Освобожденная отъ сѣдла лошадка терпѣливо поджидала свою хозяйку, пока та переодѣнется и явится къ своему доброму товарищу съ кускомъ сахара. Погладитъ она его теплую морду, погладитъ мягкія губы, прижметъ его голову къ своему плечу, и «добрый товарищъ» понимаетъ эту ласку и радостно пофыркиваетъ.

Проводникъ. (Къ рис. на стр. 1383.) Развѣдочный отрядъ забрался въ глубь степей. Кругомъ жалкая растительность, валуны изъ песка и безграничная даль степи, покрытая, какъ шатромъ, небомъ съ раскаленнымъ до-красна солнцемъ. Нѣтъ въ этой степи ни тропинокъ, ни дорогъ, и незнакомому человѣку легко заблудиться среди этого безбрежнаго океана травы. Но этотъ развѣдочный отрядъ не заблудится. Съ нимъ ѣдетъ проводникъ, старый степной волкъ, знающій въ степи каждый кустикъ, каждый камешекъ.

На опушкѣ лѣса. (Къ рис. на стр. 1385.) Пыльная дорога кончилась. Сжатыя поля остались позади и охотники ѣдутъ по опушкѣ лѣса. Тихо шумятъ вѣчно-зеленыя сосны и ели и подъ этотъ тихій говоръ деревьевъ охотники разсказываютъ другъ другу свои охотничьи приключенія. Прислушивается къ этимъ разговорамъ ямщикъ, зорко посматривая въ даль, туда, гдѣ скоро уже окончится опушка и начнется настоящій дремучій лѣсъ, гдѣ такъ много зайцевъ и лисицъ, которыхъ уже чуютъ охотничьи собаки, заливающіяся радостнымъ лаемъ.

Они другъ друга понимаютъ. (Къ рис. на стр. 1391.) Они, эти старые друзья, случайно встрѣтились въ номерѣ гостиницы. Случайная встрѣча вызвала и случайный разговоръ. Вспоминаютъ старички давно прошедшее время, когда они всѣ были молоды, когда жизнь била ключемъ, когда хотѣлось радоваться и наслаждаться. Перебираютъ они въ памяти былыя увлеченія, былыя побѣды надъ женщинами. Эхъ, теперь-бы хотѣлось тряхнуть стариной! Но годы ушли, наложивъ на плечи старческую немощь, а все-таки воспоминанія о быломъ радуютъ и веселятъ этихъ симпатичныхъ друзей-старичковъ.

На рельсахъ. (Къ рис. на стр. 1393.) Возъ, нагруженный тяжелымъ гранитомъ, застрялъ на рельсахъ. Напрасно лошади напрягаютъ всѣ силы, возъ не двигается. Вдали показался поѣздъ; грохоча и пыхтя, приближается онъ къ застрявшему возу. Лошади, завидя локомотивъ, испугались и сбились въ кучу. А поѣздъ все ближе и ближе, но, вѣроятно, машинистъ замѣтитъ преграду и во-время остановитъ локомотивъ, чтобы избѣжать катастрофы какъ для себя, такъ и для остановившагося на рельсахъ воза.

Александръ Македонскій и «Буцефалъ». (Къ рис. на стр. 1401.) Александръ былъ еще юношей, когда отецъ его, Филиппъ, согласившись на просьбы сына, подарилъ ему дикаго, необъѣзженнаго коня «Буцефала». Нѣсколько конюховъ держали коня подъ уздцы. Конь рвался, гнѣвно поводилъ глазами и фыркалъ. Но вотъ на дворъ вышелъ Александръ. Могучей рукой схватилъ онъ удила «Буцефала», рванувшагося впередъ, но задержаннаго сильнымъ юношей. «Буцефалъ» всталъ на дыбы, какъ-бы желая передними копытами раздавить смѣльчака, пожелавшаго обуздать его, но Александръ пригнулъ шею коня къ землѣ. Напрасно «Буцефалъ» рвался, мускулистая рука Александра крѣпко держала коня. И тотъ, въ концѣ концовъ, смирился, почуявъ въ юномъ царевичѣ своего господина. Впослѣдствіи «Буцефалъ» совершилъ съ Александромъ всѣ его далекіе походы.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

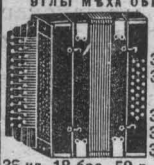
Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 кл. 12 бас. 26 руб.
36 кл. 12 бас. 30 руб.
СТАЛЬНЫЕ голоса
31 кл. 12 бас. 35 руб.
31 кл. 18 бас. 42 руб.
36 кл. 12 бас. 42 руб.
36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.
САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.
По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ. БАНКА 1 р. 90 к.

УГРИН
ОТЪ ПРЫЩЕЙ И УГРЕЙ
Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой
Гна Петро
С.ПЕТЕРБУРГЪ
КАРАВАННАЯ 1 кв 9

окрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^ми
С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

органы ✻ граммофоны ✻
цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К°.
ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО *Молодости*
МОСКВА. 20 коп. кус.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

ВСѢ ДАМЫ лучшаго общества употребляютъ для лица химически чистую гигіеническую
ПУДРУ т-ва ГИГІЕНА.
Совершенно безвредна, прекрасно и незамѣтно пристаетъ, придаетъ кожѣ пріятную нѣжность и бѣлизну. Продажа при складахъ
С.-Петербургской **ТЕХНО**-Химической Лабораторіи
Главный складъ: С.-Петербургъ, Лиговская, 123.—**Продается вездѣ.** 770

ВЫДАЮЩЕЕСЯ СРЕДСТВО.
Противъ кашля и охриплости
Противъ катарра и горла
Противъ катарра бронхіевъ
Противъ катарра легкихъ
файскія настоящія соденскія минеральныя лепешки.
Лепешки эти составляются подъ надзоромъ врачей путемъ отпариванія изъ водъ цѣлебныхъ источниковъ „Warmbrunnen“ и Wiesenbrunnen“ курорта Соденъ у Таунуса (Германія). Въ теченіе 11-ти лѣтъ продано: **10.000.000 коробокъ.** Лепешки продаются по цѣнѣ 70 коп. за коробку въ аптекахъ и аптек. складахъ. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ. Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская, 48. 499

CONSTIPATION
PILULES DE CASCARA MIDY Laidy
ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО отъ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

VELOUTINE CH. FAY
ЗНАМЕНИТѢЙШАЯ РИСОВАЯ ПУДРА
коробки пудры ВЕЛУТИНЪ, не имѣющія пломбы русской таможни, должны считаться поддѣльными.
Изящная Новость ROYAL VELOUTINE

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.
Большой романъ, въ 3-хъ частяхъ, А. А. Соколова. Спб., ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой.
Канвой этого романа послужила доблестная оборона Севастополя съ ея героями-защитниками и необыкновеннымъ подъемомъ духа русскаго общества во время Крымской кампаніи. Авторъ прекрасно описываетъ самоотверженность севастопольскихъ богатырей, отстаивавшихъ своею кровью уголокъ русской земли отъ трехъ соединенныхъ непріятельскихъ армій, и безконечную любовь и самозабвеніе сестеръ милосердія.

ПО СТОПАМЪ ВЕЛИКАГО ПЕТРА.
Истор. ром. А. И. Красницкаго. Спб., ц. 1 р. съ перес.
Настоящій романъ-хроника описываетъ добровольное присоединеніе Грузіи къ Россіи и дербентскій походъ гр. Зубова. Авторъ увлекательно разсказываетъ о геройскихъ подвигахъ русскихъ войскъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ историческими фактами развиваетъ оригинальную романическую интригу.

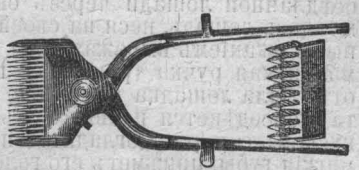
Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: **С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114,** при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, (противъ гостиницы „Россія“).

УТВ. ФАБР. МАРКА.

Сенсаціонная новость!
АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa.
Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой «Звѣзда», какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ, Владимірская, 3

ЧАСЫ
ХРОНОМЕТРЪ
за 8 руб. 50 коп.
Взамѣнъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 руб.,

мы предлагаемъ часы **„Хронометръ“**, которые по фасону и изяществу не уступаютъ золотымъ, а за доброкачественность металла и механизма часовъ **„Хронометръ“** мы гарантируемъ на **8 лѣтъ.** Часы эти американскаго новаго золота, мужскіе; **съ 3-мя крышками,** очень распространены и имѣютъ большой сбытъ во всей **Европѣ** и за послѣднее время часы эти вполнѣ вытѣснили золотые часы. Рекомендуемъ всякому воспользоваться и выписать, цѣна часовъ съ пересылкою только **8 р. 50 к.** Дамскіе на 1 р. дороже. Такіе-же часы **„Хронометръ“** открытые, **ходъ анкер., на 15 камн.,** цѣна **5 р. 50**. Цѣны поставлены дешевыя, дабы дать каждому возможность воспользоватся этими часами. Требованія адресовать: **Торгово-Экспортному Дому Т-ва „Адвансъ“,** Варшава, 2-ая контора. **Безплатная премія!** къ вышеупомянутымъ часамъ прилагаются: 1) цѣпь модная „Pancer“, 2) брелокъ-бинокль съ видами, 3) кошелекъ къ часамъ для предохр. часовъ отъ порчи. 419



МАШИНКИ ДЛЯ СТРИЖКИ ВОЛОСЪ
съ тремя номерами—2 р., 3 р., 4 р. и 5 р. Для бороды 00 или 000—2 р., 3 р. и 4 р. Безопасныя бритвы отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Обыкнов. бритвы отъ 50 к. до 5 р. Масса новостей. Иллюстр. каталоги безплатно. Складъ Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая, 9. 470

Извѣстна-ли вамъ
парфюмерія
ИДЕАЛЪ
Туалетная вода, Духи, Мыло, Пудра высшаго качества.
Товарищества 775
„ГИГІЕНА“
въ С.-Петербургѣ,
Главн. складъ СПБ. ТЕХНО-Химической Лабораторіи, С.-Петербургъ, Лиговская 123.

Дозволено цензурою. Спб., 20-го октября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ВМѢСТО 25 РУБ,

только за 3 р. 75 к. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карман. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „ВѢКЪ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе съ 3-мя крышками—цѣна 6 р. 5. Дамскіе глухіе—цѣна 7 р. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Т-ва Таванъ, Варшава, Лешно, 22. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ. P. S. **Премія:** при заказѣ 5-ти штукъ часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. 524

Красное Солнышко.

Керосино-калильное освѣщеніе, **безъ** сѣтокъ Ауэра, пріятное и яркое, 50% экономіи керосина. Полная горѣлка со спеціальнымъ стекломъ и фитилемъ высылается почтой за 2 руб. 50 коп. Техн. контора **Керберъ, Сумы,** Харьк. губ. 485

АНГЛІЙСКІЙ ШЕВІОТЪ!!

Очень прочная, практичная матерія для элегантнаго и солиднаго мужского костюма. Цвѣтъ фона черный, затканный новомодными сѣрыми искрами. Высылается отрѣзами въ 4¼ арш. для цѣлаго костюма за 5 р. 10 к. При высылкѣ трехъ или болѣе отрѣзовъ прилагается въ видѣ преміи требуемая къ нимъ подкладка

БЕЗПЛАТНО.

Упаковка за счетъ Т-ва. Пересылку уплачиваетъ заказчикъ, при требованіи наложеннымъ платежомъ. **При полученіи-же Товариществомъ денегъ вмѣстѣ съ заказомъ товаръ высылается по почтѣ безъ всякихъ расходовъ для заказчика.** Требованія просимъ адресовать: **г. Лодзь,** на фабрику камвольныхъ и шерстяныхъ издѣлій **Товарищ. „Оборотъ“.** 522

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра **д-ра медицины Ю. Э. Фридлендера.** Высылается желающимъ безплатно изъ **главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13.** 365

Награжденъ на международной выставкѣ въ Парижѣ 1905 г. золотыми: медалью и крестомъ за изящество и доброкачественность

Золотой Почетный крестъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ!

Ввиду громаднаго запаса товаровъ, мы рѣшили съ 1-го сентября с. г. назначить цѣны небывалыя: за 12 р. 75 к. высылаемъ 20 нижеслѣдующихъ **предметовъ,** стоящ. въ отдѣл. продажѣ 25 р.: 1) мужскіе черн. ворон. стали карман. часы, заводъ безъ ключа, съ золот. украшен.; 2) къ часамъ цѣпь америк. золота, панцыр.; 3) изящ. париж. компасъ; 4) мужское золотое кольцо 56 пр. съ камнемъ или обручальн. гладкое; 5) дамскіе ворон. стали карм. часы съ завод. безъ ключа, съ золот. украшен.; 6) шейная цѣпь дамск., длин., америк. золота; 12) 6 шт. серебрян. различ. брелоковъ 84 пр.; 13) дамск. золот. кольцо 56 пр. съ камн. или обручальн. гладк.; 14) пара золот. серегъ 56 пр. съ камн., изящн. работы; 15) кожан. портмонэ заграничн. работы, со штемпел. для имени, отч. и фамиліи; 16) чудн. музыкальный ящикъ „Симфонія“ съ зеркаломъ, играющій пріятно и звучно пьесы лучш. композ.; 17) англійск. карман. ножикъ съ двумя лезвеями, съ пробочникъ.; 18) кожан. портсигаръ заграничн. работы для табака и папиросъ; 19) мундштукъ-аппаратъ д-ра Коха, очищаетъ табакъ отъ никотина; 20) флаконичикъ спеціальной краски для штемпеля въ портмонэ.

Такіе-же часы глухіе со всѣми приложеніями на 2 руб. дороже. Какъ часы, такъ и равно музыкальный ящикъ въ полномъ исправномъ видѣ, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ. Требованія высылаются скоро и безъ задатка наложеннымъ платежомъ. Пересылка за счетъ заказчика. Адресовъ.: Варшавск. кунцу **С. Штеренбергу.** Варшава, Новолипки, 31—8. ***Примѣчаніе.*** Тѣ-же предметы съ часами **серебряными** 84 пр., массивными заводъ безъ ключа, высшей конструкціи, обтянутыми и провѣренными, **открытыми—16 руб. 75 к., глухими** (крытыми)—**19 руб. 75 к.** 153

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ для домашнихъ библіотекъ

☆ ☆ ☆ ☆ **ПО ОСОБО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ**

имѣется въ книгоиздательствѣ **А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская улица, собств. домъ, № 114.**

Подробный указатель книгъ напечатанъ въ журналѣ „Родина“ № 19 и 20, а также высылается безплатно.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 59, депо часовъ.

М. СОКОЛОВЪ.

Мастеръ-спеціалистъ,

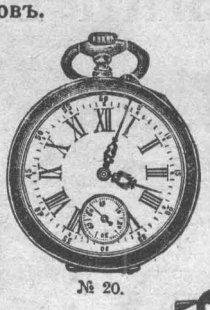
работавшій много лѣтъ у извѣстной фирмы часовъ **Г. Мозеръ и К°,** **рекомендуетъ изъ своего склада часы исключительно высшихъ сортовъ,** съ безусловно точнымъ ходомъ и прочнымъ механизмомъ, лично имъ провѣренные.

НЕ СМѢШИВАТЬ СЪ ВАРШАВОЙ!

Цѣны для всѣхъ фабричныя.

№ 42. Часы дамск., сер. 84 пр., лучш. сорта цилиндр. 9 р. 75 к.
Такіе же высшаго сорта анкерные . . . 15 р.
Крѣпко вызолочен. на 1 руб. дороже.

№ 42.



№ 20.

НЕ СМѢШИВАТЬ СЪ ВАРШАВОЙ!

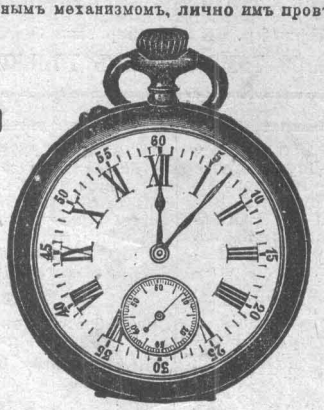
Цѣны для всѣхъ фабричныя.

№ 20. Часы дамск., черные открытые, лучшаго сорта, цилиндрич. . . 8 р. 25 к.
Такіе же высш. сорта анкер. 12 р. и 15 р.
Такіе же закр. 9 и 16 р.

Исполненіе заказовъ самое добросовѣстное и аккуратное.

Требуйте безпл. полный каталогъ.

Полное ручательство на **5** лѣтъ.



Полное ручательство на **5** лѣтъ.

Требуйте безпл. полный каталогъ.

Исполненіе заказовъ самое добросовѣстное и аккуратное.

№ 130. Часы мужск., серебр., 84 пр., заводъ головкой массивныя три крышки, лучшаго сорта, анкерн. 15 камн. . . . . 12 р.
Такіе же высш. сорта . . . . . 15 и 18 р.

№ 150. Часы мужск., черные открытые, хорош. сорта, цилиндр. . . . . 4 р. 80 к.
Такіе же высш. сорта анкерн. 7 р. 50 к. и 12 р.
Закр. черн. часы анкер. . . 10 р. и 12 р. 50 к.

№ 171. Часы мужск., серебр., 84 пр., заводъ ключ., массивн., три крышки лучш. сорта, анкерн. на 15 камн. 9 р. 85 к. и 10 р. 75 к.
Такіе же высшаго сорта . . 12 р. 50 к. и 15 р.

Изящная цѣпь при всѣхъ часахъ безплатно. Пересылка на счетъ фирмы налож. платежемъ безъ задатка.

Открыта подписка на изданія „РОДИНА“ 1906 г.

Подробное объявленіе о подпискѣ на изданія „Родина“ напечатано въ газетѣ № 43.

СПЕЦІАЛЬНОЕ МЫЛО 527
ДЛЯ УХОДА ЗА ГЛАЗАМИ
продается во всѣхъ
аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.
Главный складъ:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гороховая, 33,
Торгов. Домъ **„АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ“.**
Для Привислинск. и Сѣв.-Западн. края:
ГЕРШОНЪ ЛУРЬИ—ДВИНСКЪ.

НАЕЛКУ.

Высыл. **коллекцію изящн. елочн. украш.** въ 3, 5, 10, 15, 20, 25 р. и дороже. **Роскошныя новинки.** Требованія испол. немедл. по получ. задатка 1/3 стоимости. Варшава, ул. Дикая, № 3. Складъ елочн. украш. **Ш. Германъ.**
Р. S. Богатый подборъ каждой коллекціи вполнѣ оправдываетъ свою цѣль. 517

ВАЖНО ДЛЯ ВСѢХЪ!

Для распространенія нѣкоторыхъ новыхъ сортовъ своего производства высылаемъ въ розницу по **спеціально-пониженнымъ** цѣнамъ:

„Англійское трико“ на солидные мужскіе костюмы. Очень прочная и модная теплая матерія чернаго цвѣта, затканная бѣлой или цвѣтной искрой или клѣткой въ англійскомъ вкусѣ. За отрѣзъ въ 4¼ арш. на цѣлый костюмъ—5 руб.

„Шевіотъ-деми“ на модныя дамскія платья, очень красивой выдѣлки и хорошей доброты, для осенняго и зимняго сезона, затканный иглообразными свѣтл. крапинами, „нупе“ или полоской. Цвѣта: бордо, коричнев., маренго (темно-сѣрый), оливк в., синій, ч рный. За отрѣзъ въ 8 арш. на цѣлое платье—3 р. 60 коп.

При заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „англійскаго трико“ фабрикой прибавляется въ видѣ премін

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО

требующееся къ каждому отрѣзу количество подкладки, а при заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „шевіота-деми“ добавляется, **тоже даромъ**, дамскій шелковый шарфъ, гладкій, разныхъ цвѣтовъ, свѣтлыхъ и темныхъ, или-же полосатый, въ восточномъ вкусѣ, употребляемый для визитовъ и въ театръ.

При одновременномъ-же требованіи 3-хъ и болѣе смѣшанныхъ отрѣзовъ мужскихъ и дамскихъ высылается безплатно любая изъ вышеозначенныхъ 2-хъ премій, по выбору заказчика.

Упаковка за счетъ фабрики. За пересылку-же по почтѣ уплачиваетъ заказчикъ, если онъ выписываетъ съ наложеннымъ платежомъ. Но, когда фабрика получаетъ впередъ всю стоимость за заказа, тогда заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.

Требованія просимъ адресовать: гор. Лодзь, оптово-розничный складъ фабрики шерстяныхъ и камвольныхъ издѣлій „Монополь“. 518

ВМѢСТО 23 РУБЛЕЙ

только за 3 р. 50 к. съ перес. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карман. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота **„Вѣкъ“** ● **не позолоченные** ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ **Тов. „Комета“**, Варшава, Грибная площадь, 7. Безплатно къ часамъ прилаг. цѣпочка того-же металла и брелокъ. **Р. S. Премія:** при заказѣ 5-ти штукъ часовъ сразу прилаг. 1 часы безплатно. Остерегайтесь поддѣлокъ! Обращ. вним. на марку **„Вѣкъ“!** 515

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса прилагать старый адресъ, по которому получался журналъ, и 28 коп. почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—тоже прилагать свой прежній адресъ и 25 коп.

КАРАМЕЛЬ
ИЗЪ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
Б. Семадени въ Кіевѣ.
Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ.** С.-Петербургъ, Гороховая, 33. Цѣна метал. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.
Продается вездѣ.

Въ книжномъ складѣ журнала и газеты „РОДИНА“

С.-Петербургъ, Лиговская ул., собств. д., № 114, при главной конторѣ журнала «РОДИНА», и въ его отдѣленіяхъ: 1) **С.-Петербургъ**, Садовая улица, домъ № 20, третій домъ отъ Невскаго, и 2) **Москва**, Петровскія линіи противъ гостиницы «Россія»

продается слѣдующее изданіе

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

По новѣйшимъ сочиненіямъ **проф. Бенкера, Реймонда, Лявисса, Іегера, Кеммеля (Шпамера), Дюрюи, Костомарова, Соловьева и многихъ другихъ,**
съ многочисленными иллюстраціями.
Изданіе А. А. Каспари.

„Всемірная Исторія“, т. е., повѣствованіе о близкихъ и далекихъ событіяхъ и явленіяхъ жизни человѣчества, является превосходнѣйшимъ пособіемъ для **самообразованія и самовоспитанія.** При изученіи и чтеніи „Всемірной Исторіи“ предъ каждымъ изъ насъ проходитъ измѣнчивая картина прошлаго всего человѣчества, которая даетъ уроки жизни въ настоящемъ и надежду на дальнѣйшее совершенствованіе въ будущемъ. Каждымъ значительнымъ явленіемъ, описываемымъ „Всемірной Исторіей“, каждымъ признакомъ совершенствованія, который она отмѣчаетъ, она заставляетъ думать, изслѣдовать, судить и искать истину, которую она раскрываетъ въ своемъ разсказѣ. Каждымъ великимъ поступкомъ или дѣяніемъ „Всемірная Исторія“ возбуждаетъ благородныя чувства; не скрывая зла, она является справедливымъ судьей и подымаетъ въ человѣкѣ нравственность, и потому несомнѣнны громадное **значеніе и польза „Всемірной Исторіи“** для каждой семьи, а это приводитъ къ тому убѣжденію, что **„Всемірная Исторія“** заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

„ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ“ изданія А. А. КАСПАРИ раздѣлена на ЧЕТЫРЕ ТОМА.

Томы I и II.
Древнее время и средніе вѣка.
1056 страницъ текста и 424 рисунка въ одномъ красивомъ переплетѣ.
Цѣна **1 р. 50 к.** съ пересылкой.

Томъ III.
НОВОЕ ВРЕМЯ.
944 страницы текста и 483 рисунка въ красивомъ переплетѣ.
Цѣна **1 р. 50 к.** съ пересылкой.

Томъ IV.
НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.
Около 1000 страницъ текста и до 475 рис. въ красивомъ переплетѣ.
Цѣна **1 р. 50 к.** съ пересылкой.

Выписывающіе всѣ четыре тома платятъ только ЧЕТЫРЕ (4) рубля.

СОДЕРЖАНІЕ № 44-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“: Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.)—**Двухсотлѣтіе взятія Нарвы.** Очеркъ А. И. Красницкаго. — **Сонеты.** П. Рышкова и В. Берестнева. — **Безъ упрека.** Разсказъ Л. А. Чарской. — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Добрый товарищъ. Фотоэтюдъ Г. Гильдебрандта. — Проводникъ. Съ акварели Н. Н. Каразина.—На опушкѣ лѣса. Съ акварели Н. Н. Каразина. — Они другъ друга понимаютъ. Съ картины Л. Мюллера. — На рельсахъ. Съ карт. П. А. Брюне-Гуаръ.—Александръ Македонскій и „Буцефалъ“. Съ карт. Ф. Шоммера.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Часы. (Изъ приключеній и откровенныхъ признаній Сени Пузикова.)—Экстренный случай. (1 рис.)—Ландокнехтъ. (3 рис.) — Правдивое зеркало. (2 рис.) — Актеры пріѣхали. Стихотв. Ив. Юра. — Мозаика. — Географическая задача № 32. — Створчатая задача № 36. — Магическая звѣзда № 2.—Энстихозъ № 12. — Ариѳметическая задача № 5. — Ариѳмографъ № 11. — Магическій угольникъ № 8.—Логогрифъ № 49. — Перестановка слоговъ № 14. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 42.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Къ освященію пещерной церкви на Инкерманскихъ высотахъ. (Съ 1 рис.)—Народный университетъ и его основатель. (Съ портр. и рис.) — Въ высшихъ школахъ. (Съ 3 портр.)—Минный крейсеръ „Украйна“. (Съ 1 рис.)—Похо оны кн. С. Н. Трубецкого. (Окончаніе.)—Посѣщеніе болгарскимъ княземъ музея „Карнавале“ въ Парижѣ. (Съ 1 рис.) — Бракосочетаніе герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго въ Глюксбургѣ. (Съ 1 рис.)—Международный конгрессъ по излеченію чахотки. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:
изъ 36 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 21. Собраніе сочиненій Осипа Шубина, кн. 11-я, содержащая въ себѣ романъ:

„МЕРТВАЯ ВЕСНА“.
(Стран. 49—176.)

Дозволено цензурою. Спб., 20-го октября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал редуктор rutracker.org